

Надежда Герман

Про Курочку Рябу и Сдыхлика Неумиручего

Это вторая история из цикла «Солнечная рапсодия». В первой сказке («За Калинов мост») всё только начиналось. А начиналось оно так. Проживавшие в одном частном пансионате одинокие—ни кола ни двора—старики волей судьбы переселились в Сказку.

Потерявшая квартиру бывшая библиотечка Ягвиги Космовна Каргашевская стала вдруг Бабой Ягой.

Отставной профессор истории Серпансион Эверестович Аспиданский превратился в девятиглавого Змея Горыныча.

А простому и доброму от природы, не раз покалеченному браконьерами егерю Дядь-Лёшке, соответственно, досталась роль Лешего.

Вместе со своими друзьями в Сказке оказалась и Кикимора—Кикилия Бенедиктовна Заболотникова, подающая надежды поэтесса, творящая под звучным псевдонимом Цецилия Орхидея. Она переселилась со всем своим многочисленным семейством: с детьми, мамой и мужем-пьяницей. В общем, весёлая компания.

Да, но куда исчезли ещё двое обитателей «Калинова моста»? Во-первых, конечно же, таинственный нелюдимый Часовщик? А во-вторых, злой на весь белый свет господин Никошев, бывший бизнесмен, жестоко обманутый своими приёмными сыновьями?

Об этом станет известно из этой сказки. Приятного чтения.

Эпиграф

Просто обрывок разговора

— Солнечный Свет обманчив. Днём небо кажется голубым и безмятежным. И только ночью приоткрывается космическая бездна, великая и ужасная. Да, Свет обманчив. И оттого весь мир живёт в иллюзии. Пора покончить с этим. Я дам в руки Солнцу не двойную радугу, но—двухцветную палитру: только белое и чёрное, Свет и Тьма. Истина не любит пестроты.
— Но жить в пространстве Истины—невозможно!
— И что с того? Свет—это морок в чистом виде. Мираж. И сама Жизнь по сути своей эфемерна. Только Смерть...

— О нет!

— Что «нет»? Не хочешь ли ты мне помешать?

— Хочу. И помешаю, можешь не сомневаться!

— ...

Присказка

Третье яйцо Курочки Рябы

Кто они такие? Да пёс их знает. Возможно, какие-то левые божества, не понять откуда вынырнувшие. Инопланетяне какие-то. Игроки.

Мужчины (их двое) заканчивают шахматную партию.

Тот, что сейчас играет белыми, лениво полудремлет, глаза полуприкрыты, рот полуоткрыт. Его зовут Трр (или Хрр?).

Второй, Пендельгак (можно Пеня), с трудом сидит на месте, бесконечно вскакивает со стула, ходит по помещению, шумно роняет на пол разные предметы.

Женщины (их тоже двое) режутся в подкидного дурака.

Одна (при модной шляпке, в косметике, с утянутой талией, на каблуках) хронически чем-то недовольна. Зовут её Гаёрза. Гая.

Другая—Тямуриза. Или Тяма. Пухлая, как сдобная булочка, всему радуется. Улыбчивая.

На полу, на коврик, двое детей. Мальчик по имени Свербляш. Свешик. И девочка Тармазуча. Тара. Играют в куклы.

— Мамочка, а Свешка у меня Снегурочку отобрал и не отдаёт!—жалуется Тара.

— Ну, забрал и забрал,—успокаивает Тямуриза.— У тебя, что ли, играть больше нечем?

— Ладно,—не спорит девочка.

Мальчик сердито кидает куклу, попадает прямо девочке в лицо:

— Забирай свою уродину!

От шахматной доски прилетает директива:

— Дети, не сорьтесь! Конь Е-четыре.

— Король Д-восемь. Кому сказано—тихо! Полулите у меня оба сейчас по тому месту, которым сидят!

— Правильно,—с энтузиазмом соглашается Гая.— Э, а ты с чего это мою даму валетом бьёшь?

— Козырь потому что.

— Ты мне тут сказки-то не рассказывай!

— Почему? Сказка ложь, да в ней намёк.

Гаёрза делает ехидное лицо:

— Ага. Особенно твоя любимая. Про Курочку Рябу.

— Почему нет? История с большим смыслом.

— С таким большим, что ни в какие ворота не лезет! — Гая выразительно крутит пальцем у виска. — Курица снесла золоте яйцо. Пожилая супружеская пара его долбила полдня, и всё безуспешно. А мышь хвостом вильнула — и хана коку. Дед с бабкой реветь: яичка им жалко. А кура-дура в утешение обещает снести новое, простое. И в чём тут смысл? Простое яйцо можно на любой птицефабрике купить, полтина за десяток!

Тямуриза неторопливо собирает карты:

— А ты подумай и представь, что золотое яйцо — это божественная мудрость. Боги подарили её людям, а те не знали, что с подарком делать. И стали долбить почём зря. Что в итоге получилось?..

Тяма разводит руками: мол, всё и так понятно, без слов.

Гая презрительно фыркает, хочет что-то сказать, но передумывает.

Тямуриза продолжает:

— Люди пришли в отчаянье от содеянного, стали простить у богов прощения. Взмолились: «Верните нам утраченное по недомослию. Мы больше так не будем, честное слово!»

— И что твои боги?

— Сжалились и простили. Но только теперь вместо божественной мудрости дали человекам мудрость житейскую. Ведь простое яйцо — символ жизни. Так понятно?

— Ну, допустим. А божественная мудрость — это что было, не расшифруешь?

— Может, и расшифрую. Если подскажешь: из чего состоит яйцо? Как оно устроено?

Гаёрза не может удержаться, ей смешно:

— Я и не знала, что это для тебя это такая загадочная тайна. Хорошо, открою секрет: скорлупа, белок и желток.

— Сказка про Курочку Рябу, — не обращая внимания на ехидный тон подруги, продолжает свою мысль Тяма, — намекает, что таков Порядок Мироздания. Всё, что снаружи яйца, — это Первородный Хаос, непостижимый, ужасный и безразмерный. Сама Курочка Ряба — некая разумная сила, которая смогла выделить (вынести) из Хаоса энное количество чего-то там и создать из этого всего (снести) яйцо — маленький, такой хрупкий мир человека. Мирок, можно сказать. Теперь спроси: как его, хрупкий такой, защитить от гибели?

— Ну, спрашиваю.

— Спасает скорлупа. Божественная защита. Удревних славян это называлось Правью.

— Я вся пищу от восторга!

Гаёрза всем видом хочет показать своё тотальное презрение к этому бреду. А Тямуриза будто не видит. Не обращает внимания. Продолжает всё так же спокойно:

— Далее. Белок. Белый свет. Явь. Данность, в которой возможна жизнь. Это как раз то, что человеческий разум способен постичь. Весьма относительно, конечно.

— Надо же! А желток?

— Желток — Навь. То, из чего всё рождается и куда всё уходит в конечном итоге. Это Память. И Хранилище всех сокровищ мира. Разумеется, я имею в виду не червонцы и не золотые унитазы.

— Ах, ну конечно же! — не выдерживает Пендельгак. — Нам подавай всё стугобо духовное и возвышенное! Сказочки там разные, песенки, картинки. Да вот только весы всё больше склоняются в сторону именно золотых унитазов. Потому лично я рассматривал бы криминальную драму под названием «Курочка Ряба» в таком ракурсе: привалило тебе богатство — не кидайся им, но береги и преумножай, а не то найдётся, понимаешь, мышка с хвостиком. И весь твой золотовалютный резерв, что называется, тю-тю!

— У каждого своя сказка... — Тямуризе лень спорить.

— Бесит меня твоя Курочка Ряба, — сузив большие подрисованные глаза, шипит Гаёрза. — И ты тоже — бесишь!

— А это ничего, — успокаивает та. — Перебесишься.

Дети между тем помирились уже, играют.

— Это Дед Мороз, — говорит Свербияш вредным голосом и при этом держит за ноги вниз головой бородатую куклу в красном балахоне. — Он злой.

— Нет! — хнычет Тара. — Дедушка добрый.

— Вот и забирай его себе, — бросает Деда Мороза, вытаскивает из ящика другую куклу. — Зато у меня есть Карачун. Кощей Бессмертный. Он-то уж точно добрым быть не захочет! И он твоего деда... Знаешь, что он с ним делает?

— Нет. А что?

— Он его... Он его — бабах! — вырубит одной левой.

Мальчик с удовольствием показывает, как он это делает.

— И что же, Нового года не будет? — всхлипывает девочка.

— Фигня!

— А подарки?

Свешик смотрит на неё немного растерянно: подарки — это святое!

— А тогда Кощей сам станет вместо Деда Мороза. Только он никому ничего раздавать не будет, всё себе заберёт.

— Это нечестно!

— Ладно, так и быть. Нам с тобой он привезёт по два... Нет, по четыре во-от таких мешка с игрушками.

— А другим?
— Ой, отстань со своими глупостями!—Свербияш глядит на Тармазучу снисходительно, как знающий жизнь взрослый человек на неразумную дитяти.— Если дура—сиди молчи, чтоб никто не догадался!
— Не будет по-твоему,—тихо, но сурово предупреждает Тара.— Не победит твой Кощей моего Деда Мороза!
— Спорим—победит?!
— Спорим! А на что?
— На яйцо Курочки Рябы!
— А это как?
— Очень просто. Если выигрываю я, то... то я это яйцо разбиваю в лепёшку. Вот так: на!—и только брызги во все стороны.
— А если я выиграю, тогда что?
— Тогда ты разбиваешь.
— Ой, нет,—пугается Тара.— Я не хочу разбивать. Мне жалко.
— Ну и дура!—Свербияш показывает девочке язык.— Оставайся без выигрыша, раз ты такая жалостливая.
— И останусь. Зато мир не погибнет.
— Па-адумаешь, важность!
— А вот!
— Я же говорю—дура!
От карточного стола прилетает строгое:
— Дети! Прекратите ссориться! Немедленно помнитесь!
— Ладно...
— Хорошо, мамочка...
— А кстати,—говорит вдруг Тямуриза,—чуть не забыла. Вы не в курсе, что Курочка Ряба снесла ещё и третье яйцо?
— Поди, платиновое?—притворно ахает Пендельгак.
— Или алмазное,—поддакивает мужу Гаёрза.
— Не угадали,—совершенно серьёзно говорит Тямуриза.—Янтарное. А внутри у него—Луч Света Правды. Та самая игла, смерть Кощей.
— Я же говорила, что не победит твой Кощей!—радуется Тара.
— Ха!—презрительно оттопыривает нижнюю губу Свербияш.—Ты ещё попробуй доберись до того яйца...

Глава 1

Ягвиг Космовна

Ягвиг Космовна за полтора года проживания в Сказке с ролью Бабы Яги не просто сроднилась. Она срослась с ней всем своим существом. Прикипела настолько, что *несказочное* прошлое представлялось ей странным, не слишком реальным сном.

Ей уже казалось, что главной ведьмой Сказки она была изначально. Даже какие-то воспомина-ния на эту тему всплывали периодически.

В этом, пожалуй, не было ничего удивительного. Сыграть Бабу Ягу она мечтала всегда. Ещё в школе, когда шли приготовления к новогодним утренникам. Но взрослые, очевидно, боялись неловко обойтись со страшненькой хромоногой девочкой, потому к участию в игре-спектакле Ясю Каргашевскую обычно не привлекали. Вообще.

А может быть, просто были уверены, что у неё напрочь отсутствуют актёрские способности?

При Дворце культуры, где она проработала библиотечарем много лет, был организован так называемый народный театр (тогда это было модно!). Казалось бы: ну поднимись этажом выше... ну скажи главному режиссёру: «Ганс Вильгельмович, возьмите меня в свою труппу!» Неужто отказал бы ей этот добрейшей души человек?

Так ведь нет. Так и не хватило смелости. Куда, дескать, я, такая страшная, да ещё хромая?

Но зато по пьесам, ею сочинённым, было поставлено несколько спектаклей, которые даже имели успех. И с декорациями она помогала. И с костюмами...

Но мечта сыграть роль главной лесной ведьмы не уходила. Снилось даже периодически. (Отсюда, видимо, и теперешние лжевоспоминания?)

И вот сбылось...

Глава 2

Николай Иванович

Высоко в холодном декабрьском небе—тусклая одинокая луна. Одна на весь подлунный мир.

На весь квартал—единственный горящий фонарь, да и тот какой-то контуженный, еле светит. Детишки, видать, резвились...

Скрипит на ветру скособоченная калитка. На калитке, к столбику, прибит флаг. Весь выцветший и обтрепавшийся. Потому как висит аж с майских праздников. Вот и пусть себе висит. С ним—веселее.

В ветхом домике у окна—дед. Совсем старый. Ему, наверное, лет сто, не меньше.

Валенки с галошами, стёганный жакет.

Зябко.

Кровь старая—не греет...

На стене часы: тик-так, тик-так. Стрелки движутся медленно-медленно. Да движутся ли?

Тумбочка. На ней телевизор. Включить, что ли?

А ну его. Всё равно—видимости никакой. Кинескоп сел, менять надо.

Или это глаза надо менять?

В углу—пустая собачья миска, дерюжный коврик. Пусть. Не надо убирать. Это—вещи Шарика...

Сам-то Шарик уж год как... Или не год? Может—два?..

Да... А до сих пор в горле ком, лишь вспомнишь, как он свою лохматую голову на колени клал, как хвостом вилял радостно...

А потом помер. От старости. Совсем старый был. Еле-еле ноги переставлял.

Вот и дед—совсем старый, еле ходит. В люди выходит редко. Да и то лишь летом рискует по улице пройтись. Всегда, даже в жару,—тёплый жакет, галоши с шерстяными носками, на голове шапка. Такой смешной. Ребятишки при виде укутанного старика смеются: «Смотрите-ка, Дед Мороз идёт. Скоро Новый год, наверное!»

Обидно? Пожалуй, да. Да только в их возрасте и он таким был. Никто ведь в свои десять-двенадцать не верит в старость. В то, что когда-то и с ним это случится...

Эх, видели бы те сорванцы, каким он вернулся с фронта! Слепительно молодой. Высокий, синеглазый. Грудь в медалях. На голове—бескозырка. Гвардейский экипаж Черноморского флота! А из-под бескозырки кудри так и выются.

Девки тогда гроздьями на окнах висли: «Выйди, матросик, спой, сыграй нам на гармони, повесели душу!»

А ведь хорошо играл! Да и пел тоже—дай Бог каждому. Ёлы-палы, когда ж оно всё было?!

Да, от девок отбою не было, это точно. Но он выбрал Марусю. Вроде и не красавица. Тихая, скромная. Друзья не могли взять в толк: «И чего ты в ней нашёл?» А вот нашёл. И время показало: нет никого лучше и быть не может.

Теперь вот нет её.

И никого нет. Никого и ничего.

Только сны остались. И всё такие—праздничные, светлые. И все в них—живы. И все—молоды.

Вот так. Жизнь—серая, а сны—цветные. Говорят, это признак шизофрении? Нет?

Глава 3

Мишаня

Ночью выпал снег. Белый. Чистый. Лежит, сверкает.

В окне—солнце. Небо синее-синее. Смотреть больно. Но весело от этого всего. И кажется, будто немощь проклятая—отступила.

Старик открыл форточку. Запахло свежестью. Хорошо-то как!

И захотелось выйти на крылечко. Постоять. Подышать.

Николай Иванович натянул на себя тулупчик, шапку на вате. Откинул крючок. Дверь распахнулась. И утонул он в потоке света, и задохнулся от радости.

Осторожно, чтоб не поскользнуться, спустился по ступенькам. Дошёл до калитки. Отворил. Лавочка вся в снегу. Это ничего. Это можно стряхнуть подолом тулупа. И сесть.

Благодать-то какая!

Видит: мимо идёт военный. В форме. Офицер. Стройный, красивый. Николай Иванович сам таким красавцем был. Когда-то. Давно.

Подумалось ещё: «Копия мой Санька! Эх...»

А офицер не стал проходить мимо, остановился: — Здоров будь, отец!

— И тебе, сынок, всех благ!

— Присесть можно?

— Сделай милость.

— Вас как звать-величать?

— Дед Коля. А тебя?

— А меня... Ну, скажем так—Михаил.

— Мишаня, значит. Как служба-то, Мишаня? Враги не сильно донимают?

— Всё нормально, дедуль. Можешь спать спокойно.

— Уговорил, буду спать. А ты это... не побрезуешь к старику в хату заглянуть? Чаёк бы погоняли, а?

Скучно деду, это ясно. Михаил подумал, кивнул:

— Айда. Пои своим чаем.

За столом разговорились. Про то, про сё.

— Миш, у тебя семья-то есть? Жена, детишки?

— Увы. Не случилось.

— Так давай я тебя сосватаю! Ко мне девчушка всё время ходит. Патронажная сестра. Давление проверит, продукты принесёт, еду какую сготовит: супчик там, кашку, котлетки на пару. Умница, красавица. А сердце—чистое золото! Я бы вас познакомил, а? Лучшей подруги жизни—не найти, это я тебе как доктор говорю.

— Спасибо, дед Коля. Не могу я. Служба.

— Ах ты ж, язвы её! Не положено, значит?

— Вроде того...

Дед разомлел, расслабился, ушёл мыслями в прошлое. Войну вспомнил. Как он, совсем мальчишка, остался один на белом свете. Как подобрал его гвардейский флотский экипаж. Определили юнгой. А куда ж его девать? Кругом ад кромешный, и идти мальцу некуда...

А потом Победа. Победа!

— Да, было время...—вздыхает Николай Иванович.

Потом вдруг речь зашла о миске. О той, что стоит в углу.

— Это что у тебя, дедушь?

— Это-то? Да вот...—Старик горестно крикнул, откашлялся.—Это Шарика моего вещь. Его, Шарика-то, больше нету. А вещь пусть будет. Пусть. Вроде как он на двор выбежал, погулять... Ага...

— Любишь собак?

— Их разве можно не любить? Самые верные и преданные существа на свете.

— Что правда, то правда. А ты слыхал про Крылатого Огненного Пса Семаргла?

— Нет, не слыхал. Расскажи.

— Есть такой бог. Сын Солнца. Семаргл. Семь-Яркл. Семи-светлый. Он, видишь ли, охраняет Солнечный Мир от чёрных сил Зла. А если Зло таки прорывается—ищет его следы, находит и... Ну, сам понимаешь, церемониться с этим—нечего.

— Трудная, однако, у него служба. Пряма как у тебя.

— Очень похоже, — улыбнулся Михаил. — А знаешь, говорят, будто он часто бродит среди людей, в человеческом образе. Так ему легче узнавать о людских бедах и напастях. Так говорят.

И началась их дружба. Михаил хоть пару раз в неделю да забежит к деду Коле на полчаса. Чайку попить, поговорить о жизни прошлой, о жизни будущей...

Глава 4

Ариэль

Ариэль — сублильный юноша четырнадцати с половиной лет от роду.

Полтора года тому назад приключилась с ним история, после которой в жизни семьи Богатырёвых произошли необратимые изменения.

Это случилось где-то в конце лета.

Дабы ребёнок мог дышать воздухом и получать положенное молодому организму количество солнечных лучей, доступ к ноутбуку и планшету на время летних каникул сурово ограничивался. И ребёнку не оставалось ничего другого, кроме как болтаться по улице с утра до вечера в компании других таких же несчастных, отлучённых от чудес электроники.

В маленьком городке всегда было тихо и спокойно. Лет, наверное, сто здесь не происходило ничего криминального.

И ничего такого, что могло бы причинить существенный вред здоровью юного организма: ни глубокой реки, ни крутых скал, ни дремучего леса с медведями и волками. Только старый ухоженный парк, в центре которого размещался крошечный пруд с лягушатами.

Даже самые бдительные родители за своих чад, гуляющих весь день на свежем воздухе, были абсолютно спокойны. В том числе и мама Ариэля, Маргарита Андреевна.

Но однажды случилось вот что.

Как-то так получилось, что Ариэль в тот день после обеда гулял один, без друзей. Впрочем, юношу это нисколько не тяготило, скорей — наоборот: он вдруг сделал открытие, что в этом мире можно найти до фига интересного, чего он раньше как-то не замечал. Растения всякие разные. Те же головастики в пруду: одни похожи на чёрные длиннохвостые запяты, а у других уже и ноги отросли, и они этими ногами так смешно дрыгают... А тут ещё одна храбрая белка с дерева спустилась, сидит, глаза выпучила, требует семечек. Прикольно.

Гулял Ариэль, гулял. И совсем уж собрался домой возвращаться, как вдруг дождь пошёл. До дома — верных полчаса шлёпать. А рядом — ни беседки, ни навеса. Только бетонный мостик через высохшую канаву.

Делать нечего, полез юноша под мост. Сверху вроде не капает, но под ногами грязь, мокро. Ни

встать, ни сесть. Видит: по ту сторону моста, среди кустарника — не то пещера, не то просто грот какой-то.

Ариэль перебрался туда. Сухо. Прошлогодней полынью пахнет. Нет, не грот это, а реальная пещера. Откуда она здесь, интересно? И куда ведёт?

Включил юноша фонарик на мобильном телефоне и пошёл исследовать. Шёл, шёл. И вдруг навстречу ему, откуда ни возьмись, — чудо-юдо ужасное, Змей Горыныч о шести головах...

А дальше — как отключило. Полный провал памяти. Смутно помнится только, что вдруг Светка, сеструха, откуда-то взялась. И парень прикольный такой нарисовался, приклатнённого вида, в кепке, с папиросой в зубах.

Впоследствии выяснилось, что парня зовут Витёк, и он тоже в этой пещере от дождя прятался. Придремал малость. Спит он себе, никого не трогает. И вдруг на него с ходу налетает пацан. И орёт что-то нечленораздельное. Бредит, видать. От страха и не такое бывает.

Ну что ты будешь делать? Витёк у пацана мобильник взял, позвонил по последнему активному номеру. Объяснил, что, где, куда. Светлана примчалась, как ураган. Вначале, не разобрав, что к чему, давай на парня с кулаками кидаться.

Но постепенно всё прояснилось.

И с тех пор они уже не разлучаются: Витёк и Светка. Полгода назад у них Ванька родился.

Вот такая история.

Глава 5

Несбыча мечт

За окном сиво, ветрено. Снег грязный, с чёрными проплешинами. На снегу — птичка. Подпрыгивает, чтоб не замёрзнуть. Неуютно.

Серые голые деревья. Серое низкое небо. Ветер воеет жалобно, будто у него зубы болят.

И всё — не так. Не клеится, не лепится. Нелепица какая-то...

Васька, паразит, всю сметану сожрал и не признаётся: смотрит честными глазами — не кот, а ангел с крылышками.

Говорящий ворон со своей воронихой неделю глаз не кажут: у них любовь, святое дело!

Ещё и ступа взялась характер демонстрировать: не полечу, мол, никуда, и точка, выходной у меня, имею право.

Получается — все имеют право, кроме Бабы Яги.

Улеглась она, болезная, на кровать прямо в зипуне и галошах, лежит, на потолок смотрит. А на потолке — решительно ничего интересного. Ну, ничего такого нет, чтоб от мерзкого настроения помогло.

Тук-тук-тук!

В дверь стучат. Гости пришли, чтоб им...
Ягвига Космовна, кряхтя, опустила ноги с кровати, встала, подошла к двери:
— Кто там?
— Свои. Открывай.
На фиг бы они сдались, эти свои? Давно известно: бывают времена, когда свои — хуже чужих.
Всем это известно. Кроме незваных гостей, разумеемся.
Однако делать нечего. Откинула бабка засов, выпустила.
Знакомые всё лица. Кикимора, она же Кикилия Бенедиктовна, подруга дней суровых. Конечно же, Леший по прозванию Дядь-Лёшка. И кто там ещё? А, Эверестович на крыльце переодевается: Баба Яга раз и навсегда запретила Змею Горынычу к ней в избу в своём девятиглавом обличи являться. Мол, если как человек — тогда милости просим, а ежели ужасной чудой-юдой, то будь ласков там, за порогом, фланируй!
— Подруга, а ты чего смурная такая?
Кикимора снимает пальто, проходит в кухню, садится на лавку у стола, поближе к скатерти-самобранке. Преобразившийся Горыныч идёт следом. А Леший — тот сразу к печке, огонь разводить. Глядит: печь как лёд, в доме — ни полена.
— Кузьмовна, я в сарайку за дровами.
— Иди, кто тебя держит...
Сама тоже идёт в кухню, садится на табуреточку, как сирота.
— Чего смурная, говорю? — повторяет вопрос Кикимора.
— Ай, — отмахивается Баба Яга. — Настроения нет.
— Чего так?
— Жизнь не задалась...
— Это у тебя, что ли?
— Что ли, у меня...
— А ты расскажи старым друзьям-приятелям, что за печаль, — советует Серпантион Эверестович. — Глядишь, и полегчает.
— Сомнительно как-то...
— А ты попробуй!
— Ага, — соглашается Кикимора. — Только для начала самобранку задействуй. Под чаёк с бубликами любой разговор и легче, и приятней!
Старуха нехотя подседа к общему столу, развернула волшебную скатерть.
— Ну и что в моей жизни было хорошего? Единственное светлое воспоминание — самое раннее детство, до падения с лестницы. А потом началось — больницы, операции... Так и осталась на всю жизнь горбатой и хромой. И только вечные насмешки либо того хуже — сочувственные взгляды. Про любовь и говорить нечего: ни детей, ни семьи... Всю жизнь одна, в пыли библиотеки... А ведь у меня была мечта. Эх, какая у меня была мечта!

Баба Яга вздохнула так тяжело и уныло, что вернувшийся с дровами Леший не смог остаться равнодушным:
— Чего-чего там у тебя, Кузьмовна, говоришь, было?
— Мечта, — опять вздохнула старуха и специально, чтобы обидеть Лешего, добавила: — Но тебе этого не понять.
Леший, однако, и не подумал обижаться. Сунул поленья в печку, чиркнул спичкой, подул на разгорающийся огонь.
— Рассказывай уже, что за мечта такая, сделай милость.
— Расскажи, расскажи, — дружно поддержали Горыныч и Кикимора.
— А вы смеяться не будете? — почему-то вдруг смутилась Баба Яга.
— Ни боже мой!
— Я мечтала... — старуха запнулась и покраснела. — Я мечтала танцевать!
— В балете? — уважительно ахнул Змей.
— Ну что ты! — Баба Яга мотнула головой. — Нет. Я мечтала быть солисткой в нашем местном народном ансамбле. Вы даже представить себе не можете, как я всегда чувствовала музыку! Ах, как я её чувствовала! Всем своим существом. Казалось, пусти меня на сцену — и я там такого навывтворюю! Но бодливой корове, как известно...
Дальше она говорить не смогла, потому как в горле от печали — перехватило.
— Бог рог не даёт, — услужливо продолжила Кикимора мысль своей подруги.
— Ну и чего ж тебе помешало? — без всякого подвоха спросил наивный, как сто младенцев, Дядь-Лёшка.
— А то не ясно?! — разозлилась хромая горбуныя. — Как раз меня в том ансамбле и не хватало, для полной красоты картины: опа, опа! И-ех!
И что-то такое изобразила ногами и руками. Лихое, народное.
— Да ладно, Яша, не переживай сильно, — стала утешать подругу Кикимора. — Я тебя так понимаю, так понимаю... У меня ведь тоже была мечта.
— И у тебя? — присвистнул Леший. — С ума с вами спятишь!
— Я мечтала... — Кикимора закинула к потолку глаза. — Я мечтала написать такую поэму... такую поэму, чтобы все буквально попадали со стульев от восторга. И чтоб меня на этой теме сразу бы приняли в Союз писателей.
— Хорошая мечта, — одобрил Горыныч. — Высокая.
— Да, — не стала спорить Кикимора. — Но, увы, несбыточная.
— Это почему же? — удивился Леший. — Ты ведь у нас — поэт.
А Горыныч добавил:
— Какие твои годы!

— И годы никакие... — Кикилия Бенедиктовна Заболотникова (литературный псевдоним — Цецилия Орхидея) в ответ лишь безнадежно махнула рукой. — И поэт я тоже никакой. Таланта — ноль. Так, одно графоманство. Думаете, я сама не понимаю? Всё я понимаю, только вид делаю. Куражусь вроде как. Чтобы с тоски не пропасть. В общем, жизнь — не задалась!

И опять махнула рукой, ещё безнадежней. — Киля, да ты чего? — искренне испугалась за подружку Баба Яга, потому как вид у Кикиморы сделался такой, с каким в петлю лезут. — Тебе ли на жизнь жаловаться? Вспомни, какие у тебя дети! И мама твоя, слава Богу, жива-здоровая. И муж какой-никакой...

— Да, да, — согласно закивала та. — Всё так, всё так. А вот чего-то всё же не хватает. Полёта хочется. Понимаете?

— Понимаем, понимаем, — закивал Змей. — Хорошо вам понимать, — Кикимора опять сделала удрученно-обиженной. — Вы оба летаете: один — на крыльях, другая — в ступе.

Тут в разговор опять вступил Леший: — А я, может, тоже мечтал летать научиться. Или чтоб семья была, детишек чтоб мал-мала куча. Однако не ною. Потому — в жизни, окромя плохого, завсегда есть что-то хорошее. Или не так?

— А, раз пошла такая пьянка, — крикнул Змей, — я хочу тоже за мечту поговорить. — Значит, и у тебя мечта?

— А то!
— Ну не томи уже, исповедуйся.

— Я — мечтал петь. Красиво.
— Как соловей! — подсказал кто-то.
— Нет. Ещё лучше. Как Муслим Магомаев.

— Губа не дура, ёлки-метёлки, — одобрил Леший.
Все засмеялись. И у всех вроде как отлегло: да, не все мечты сбываются, не всё в жизни происходит по нашему хотению. Но каждому что-то обязательно — даётся! Именно этому и нужно радоваться, а не строить судьбе претензии на предмет *несбывшегося*.

— А хотите — я спою? — от широты души предложил Змей Горыныч. — Для настроенья!

— Только не это! Не то я станцую, — решительно остановила его Баба Яга.

— Тогда и я за себя не ручаюсь, — хихикнула Кикимора. — Листочки с последними стихами у меня в кармане, в пальто. Так что мало никому не покажется.

— Ну уж нет, я не такой великий ценитель прекрасного, чтоб всё это вытерпеть, — сурово предупредил Леший. — Я приму контрмеры. Я... я... я с вас всех портрет рисовать начну, вот!

И опять все дружно засмеялись. И стало хорошо и тепло. То ли оттого, что печка разгорелась и гудела и жар от неё шёл во все стороны. То ли оттого, что дружба сама по себе — понятие тёплое.

Глава 6

Карачун, Кощей

Карачун подошёл к зеркалу. Огромное такое зеркало, от пола до потолка, шириной метра полтора. Посмотрел на себя с удовольствием. Задумался.

«В эту новогоднюю ночь Дедушкой Морозом буду я. Зачем? А просто так. Скучно потому что...»

Для начала устраним Семаргла, Стража и Хранителя Мира Яви. Потому как он точно встанет у меня на пути, как кость в горле.

А как ты его нейтрализуешь? К нему подойти-то страшно. От него так и пышет, так и разит силой Света.

Надо бы придумать какое-то коварство. Ну, например, превратить Огненного Пса в жалкого паршивого щенка. Нет, не в маленького, пушистого щеночка. Таких обычно жалеют и подбирают. А именно — в мсластого, вислохвостого подростка с облезлой шерстью, сплошь покрытого коростами. А сейчас зима, мороз... Конечно, боги бессмертны. Но сил у Главного Охранника уже не будет. По крайней мере, какое-то время.

Если этот замечательный план по какой-то причине не сработает, нужно иметь в запасе другой. Рассорить Огненного Пса с Огненным Соколом Рарогом. Натравить одного на другого. Пока братья вместе — их не победить. Значит, нужно сделать Рарога врагом Семаргла. И пусть они сражаются друг против друга. До победного конца. А я тем временем...»

— Эй, ты, — сказал он своему отражению, — мой двойник, моя тень, мой верный засланец в мире Яви, Кощей Бессмертный. Ну-ка, подь сюда. Встань передо мной, как лист перед травой!

Тот, который за стеклом, покорно склонил голову, сделал два шага вперёд:

— Слушаю и повинуюсь.
— Значит, так. Задача у тебя на сегодняшний день такая: занять место Деда Мороза. Будешь ходить с ба-а-льшим таким мешком и раздавать подарочки. Замечательные такие подарочки. Жаль, не всем они понравятся, но это уже несущественные детали.

— Yes, sir! — по-военному отозвался вышедший из зеркала. — Разрешите выполнять?

— Погоди. Не всё так просто. Твоя первая задача — устранить Огненного Пса. Нужно подкараулить его в тот момент, когда он более всего уязвим. Я это вижу примерно так: Семаргл, нацепив на себя чelовечью личину, идёт в гости к деду Коле, своему новому другу. Счастливым такой, весь в предвкушении предстоящей встречи. Он идёт, а тут навстречу ты, эдакий мальчишка-сорванец. Подбегаешь к нему, говоришь: «Дяденька, дяденька, а я вас знаю, вы хороший! Вы меня однажды от хулиганов спасли!» Наш великий филантроп

расчувствуется, разулыбается, окончательно поте-
ряет бдительность. А ты ему—на горсть ядовитой
колдовской оборотной пыли в глаза.

— Yes, sir!

— Да, но у Охранника есть союзники. Нам нужно
предотвратить незапланированный ход событий.
В общем, так. Обернёшься вороном, прилетишь
к Бабе Яге. Типа ты её друг и советчик Карлуша.
Гляди только, чтоб настоящего Карла Иваныча там
о ту пору не случилось. Твоя задача—испортить
Наливное Яблочко. То самое, что по Серебряному
Блюдечку катается и показывает все сказочные
и мировые новости. Потому как перво-наперво
врага нужно ослепить. Лишить информации.

— Yes, sir! Разрешите выполнять?

— Рвение—это хорошо. Мне нравится. Но дослу-
шай до конца. И всё запомни. Да не перепутай
смотри!

— Ни за что!

— Так вот. Яблочко ты проткнёшь своим клювом,
и в нём сразу заведётся червяк. Червячок. Тот
самый, который Правду терпеть не может. Это
твоё второе задание.

— Разрешите выполнять?

— Погоди. Слушай сразу третьё. На обратном пути
ты отыщешь родник с живой водой. И завалишь
его камнями, палками, грязью всякой. Понял?

— Так точно! Разрешите...

— Да погоди. Экий ты ретивый. Дальше самое
главное. Полетишь на остров Буян. А там... Там
наша с тобой смерть. Точнее—твоя. Ибо мне, Богу
Смерти, смерть не страшна по определению.

— Понял!

— Молодец. Сказку помнишь? Смерть Кощея—в
яйце, яйцо—в утке, утка—в зайце, заяц—в сун-
дуке, а сундук—на дубе.

— Понял. Нужно, чтобы медведь уронил дуб с
сундуком, волк поймал зайца, сокол разорвал утку,
а щука выловила яйцо со дна моря?

— Дурак ты, братец,—искренне огорчился Кара-
чун.—Давай-ка мы без суицида обойдёмся. Всё
наоборот: нужно, чтобы никто к Янтарному яйцу
не смог подобраться. Ибо в нём—Луч Правды.
Для тебя это точно—смерть. И мне такая ерунда
все карты спутает.

— Понял!—Кощей щёлкнул каблуками и вытя-
нулся по стойке «смирно».

— Молодец,—ещё раз похвалил Карачун.—Значит,
так. Медведь сейчас, слава Богу, спит. Ибо зима
на дворе. Но на всякий случай вот тебе сонный
порошок, сыпани его в берлогу. Чтоб сон великана
ничто уже не потревожило. Волк ходит голодный и
злой на весь белый свет. Подкинь ему пару кусоч-
ков жареного мяса, да пожирнее. Пусть нажрётся.
Пообещай и впредь поощрять за хорошее поведе-
ние. Серый станет послушным и трусливым, как
заяц. А ты для пущей важности пригрози, что
если он вдруг надумает совершать необдуманные

поступки и помогать кому попало, то ты ему на
морду—намордник. С шипами.

— На морду намордник,—на всякий случай повто-
рил Кощей, чтобы ничего не забыть и не перепутать.

— Правильно. Вот дальше будет посложнее. Рарог.
Огненный Сокол. Брат Семаргла. Некоторые даже
считают их единым целым. Его ни запугать, ни
прикормить не получится. Можно только одура-
манить. Опойте ядом Карого Змия. Но просто
так, из чьих попало рук, он пить не станет. Тебе
нужно принять вид доброго человека. Старца,
например, немощного, седовласого. В руках у
дедушки—Чаша с солярной символикой. А в ней
вода из родника, смешанная с ядом. Да не забудь
вначале напустить на добра молодца страшную
неутолимую жажду. Понял?

— Yes, sir!

— Ну всё, пошёл!

Глава 7

Что приснилось Лешему в четверг

Лешему приснился страшный сон. Было это в
четверг, в русалий день, когда, как известно, всякая
гадость как раз и снится.

Приснилось ему, будто напали на Заповедный
лес ужасные, безжалостные дровосеки. Идут они
по лесу сомкнутыми рядами, топорами стучат,
бензопилами визжат... И числа их войску—несть.
«Ой, пропала вотчина!»—тоскует Леший.

Однако надо как-то спастись от вражьей силы
родные дубравы, сосняки, березняки да осинники!
— Вставайте, Родина в опасности!—стучится он
поочередно в окна к Бабе Яге, Змею Горынычу и
Кикиморе. Ему сонно отвечают:

— А?

— Кто тут?

— Чего надо?

— Я же говорю,—шумит Дядь-Лёшка,—Заповед-
ный лес под угрозой уничтожения!

В ответ удивлённое:

— Да ты что?

— Не может быть!

— Как это?

— А вот так!—Леший уже терпение терять начи-
нает от такой бестолочи.—Поднимайтесь, говорю.
На смертный бой пора!

И вкратце обрисовывает ситуацию. Мол, то-то
и то-то. И ещё вот чего.

— И что делать?—дружно ужасаются все.—Чем
воевать против недруга? В Заповедном лесу любое
оружие—строго запрещено!

— Слушайте меня ушами,—командирским тоном
объясняет Леший.—Мой тщательно продуманный
стратегический план таков. Мы их этим... интел-
лектом бить будем.

— Чем-чем?

— И где мы такое возьмём?

— Ой, а это как?

— А очень просто. Кикимора пусть читает стихи собственного сочинения—это убойное средство номер один. Для тех, кто устоит, Баба Яга польку-бабочку станцует. С выходом. Тут уж точно—всем амба! А для полного, так сказать, закрепления успеха Горыныч нам хором споёт что-нибудь чувственное, патриотическое.

— Раскомандовался тут!—недовольно вскидывается Баба Яга.—Мы, значит, все—на передовую иди, врага рази наповал и костями ложись за правое дело. А сам?

— А я...—замаялся было Леший.—Я... я—как Василь Иванович Чапаев завещал—залезу на стратегическую возвышенность и стану оттуда бдеть общую картину театра военных действий. Чтоб, упаси Бог, какой подвох не случился, засада там или обход с тыла. Ещё вопросы есть?

— Нету,—бурчит старуха.

Горыныч, тот вообще решил не спорить. Уточнил только:

— Мне под гармошку петь или как?

— Ну не под пианину же! Нету у нас пианины...

— Понятно,—вздыхает Змей.—У нас и гармошки нету. Зато я тут одного мужичонку знаю, у него балалайка есть. Самый патриотический инструмент, между прочим. Может попросить, чтоб одолжил?—Ну, попроси...

Кикимора тем временем судорожно ищет в памяти самые проникновенные строки. И это правильно: когда ещё случай выпадет перед такой большой аудиторией выступить?

И вот началось.

— Смело мы в бой пойдём за власть Советов!—грозно на три голоса девятью головами рявкнул Змей Горыныч.

Вражеские ряды заметно дрогнули.

— Барыня, барыня, сударыня-барыня!—коротко взвизгнув, вылетела в круг Баба Яга и завертелась вприсядку.—И-их!

Смятение в рядах противника удвоилось.

Тут уж сама Цецилия Орхидея встала в стойку, тряхнула гордо головой и повела внятно и размеренно свой речитатив:

Я лежу на пляжé,
Вся одета в негяжé.
Пролетай, комарик, мимо,
Не кусай меня за же!

По без того уже смятому строю недругов пронёсся жалобный стон. Стали слышны панические настроения, призывы отступить на зимние квартиры, пока не поздно.

Ну, всё, вот, вот она—победа. Точнее, так: Победа, с большой буквы.

Ещё миг—и вопль ликования рванётся из двенадцати глоток защитников Заповедного леса: «Ур-ра, мы победили!»

Но...

Но как раз в этом месте Лешего принялась трести за плечи давешняя лесная нимфочка:—Лёш, а Лёш! Ты жениться-то обещал—не передумал?

Интересно, это всё ещё сон?

Или самые страшные кошмары начинаются уже после пробуждения?

Леший сел, почесался. Подумал.

«А ведь не к добру этот сон. Ох, не к добру! Что-то будет. Нехорошее что-то. Как пить дать...»

Глава 8

Чаша

Рарога замучила жажда. Приболел он, что ли? Уже не меньше десяти раз летал к роднику. А вот рту всё равно сухо. И что делать? Опять лететь? Но лень какая-то обуюла. Не хотелось в очередной раз превращаться в птицу, крыльями махать вниз-вверх, вверх-вниз. Не хотелось двигаться вообще. Точно, однако, приболел.

Вот нашёлся бы добрый человек, принёс бы чашечку студёной водички с ручья...

И вдруг откуда ни возьмись—старец:

— Здрав будь, Огненный Сокол!

А в руках у него большая чаша, полная воды. Чудеса, да и только.

— И тебе не болей,—настороженно отозвался Рарог.—А ты, собственно, кто такой?

— Да так, прохожий. Вот набрал у вас на роднике воды. Полную чашу. Уж больно хороша водица!

Рарог невольно сглотнул слюну. Пить хотелось нестерпимо. Внимательный дедуля заметил его мучения, предложил:

— А ты, добрый молодец, не побрезгуешь отведать из моей чаши?

— Я?

Сокол растерялся. Устав Прави запрещает брать из рук незнакомцев пищу и питьё. Ибо—много желающих отравить Стража.

— Тебя что-то смущает?—спросил старец.

— Да так... Мелочи...

— Может, ты думаешь, что я отравить тебя хочу?—догадался странный гость.—Что ты, что ты! Да разве я могу пойти на такое злодейство? Я же—наш. В смысле—свой. Глянь, на чаше моей—знак Солнца. И здесь у меня—такой же в точности знак.

Старик расстегнул шубу, показал висящую на груди свастику.

«Что-то с этим знаком не так,—смутно пронеслось в голове у Сокола.—Что-то нехорошее с ним связано. Но вот беда—забыл я напрочь... не помню, что именно...»

Потом он подумал так: «А может... коль скоро я не могу вспомнить, что именно... Может, и не было ничего такого? Может, это так... больное моё воображение разыгралось?»

— Ну что? — нетерпеливо спросил переодетый Кощей (разумеется, это был он!). — Пить будешь? Или мне всю воду на землю вылить?
— Нет, нет, не выливай! — вскричал Сокол. — Буду пить, буду...

От выпитой воды в голове зашумело. Странно так. Зато сухости во рту — как не бывало.

Уселись они вдвоём у подножия Дуба. И пошла промеж них беседа.

— И давно ты тут живёшь, в этой глуши, вдали от благ цивилизации?

— С незапамятных времён.

— И тебе это нравится?

Рарог пожал плечами:

— Не жалуюсь.

— Неужто не наскучило?

— Служба у меня такая. Стерегу секретное оружие.

— Ух ты! А что это за штука такая, если не тайна?

— Вот именно, дедунь, тайна. Говорю ж — оружие секретное!

— Значит, не расскажешь?

— Нет. Я слово дал брату моему, Семарглу.

Старик на минуту задумался, потом сказал, не то спросил:

— А ты хозяин своего слова?

— Конечно.

— Тогда всё просто: сам дал, сам и забери его обратно. Ибо, как говорится, хозяин — барин.

— А что, в этом есть здравый смысл! — обрадовался Рарог.

— Конечно. Пошли ты этого Семаргла подальше.

Какой он тебе брат? Кто ты — и кто он? Ты кто?

— Сокол.

— А он?

— Пёс.

— Вот видишь. Сам себе ответил. Есть ещё вопросы?

— Вопросы нет.

— И славно. А тот, кому я служу... тот, кому, если только захочешь, станешь служить и ты... О, служба у него — это высочайшее благо на земле! Мы, его верноподданные, называем это коротким словом «счастье».

— Правда? — глаза доброго молодца загорелись каким-то странным, неестественным огнём, в голове зашумело так, как если бы он, не сходя с места, осушил десятиведёрный жбан браги. — Думаешь, правильно будет, если и я тоже... того?.. — И не сомневайся!

Глава 9

Мы наряжаем ёлку

Мы — это я, Ягвиг Космовна, Баба Яга, и говорящий ворон Карл Иванович. Нас всего двое, если кто не понял.

Ёлка самая настоящая, живая. Она растёт подле моей Избушки много лет. Когда-то, вспоминает Карлуша, это был крохотный пушистый пруттик высотой не больше двадцати сантиметров. А теперь до её макушки мне, например, нипочём не дотянуться.

— Чем будем наряжать? — спрашивает ворон.

— Ну, не знаю. Можно — бумажными самодельными игрушками. Как когда-то в детстве.

— Мысль неплохая, — соглашается Карл Иванович. — Но можно и по-другому. По-волшебному. Давай мы украсим это прекрасное дерево воспоминаниями. Хорошими. Ведь ничто так не украшает нашу жизнь, как хорошие воспоминания!

И то...

Самое первое светлое моё воспоминание — это, конечно же, Новый год. Я совсем кроха. Мне года четыре. В комнате, в самом центре, возвышается до потолка сказочное дерево, которое все называют ёлкой. Хотя в действительности, как я теперь понимаю, это была пихта, пушистая, запашистая, с плоскими мягкими иголками. Папа стоит на стуле и развешивает хрупкие стеклянные игрушки, которые иногда падают вниз и разбиваются на сверкающие острые осколки. А мне доверено цеплять на самые нижние ветки плоские картонки в виде птичек, собачек, лисичек... Они рельефные, блестящие, одинаково разрисованные с обеих сторон. Ещё есть два ватных человечка в ярких бумажных шароварах и курточках.

Над всем миром висит тонкий запах хвои и апельсиновых корочек...

Я вешаю воспоминания на нашу ёлку. Получается красиво. Будто стеклянные шарики, сосульки, самолётики, птички, звери заблестели на верхних ветках.

И продолжаю вспоминать. Утро. День рождения. Шоколадка под подушкой — зайчик принёс. Игрушки, лежащие, стоящие и сидящие на стуле возле моей кровати, на ночном столике, на подоконнике...

Что ещё? Игры во дворе дома. Листопад. Белый-белый снег, только что выпавший. Весенняя капель. Летняя жара...

А потом...

Потом падение с пожарной лестницы. Боль. Запах больницы. И вот я лежу дома одна. Мама на работе, она учительница, школа — в соседнем дворе, и на каждой большой перемене она успевает прибежать домой, чтобы покормить меня, взбодрить, рассказать что-нибудь интересное.

И вдруг — та страшная находка в ящике письменного стола. Проклятая бумажка, где чёрным по белому написано, что я — приёмная дочь, не родная...

Но нет, нет, это не для новогодней ёлки.

Было ведь и хорошее в моей жизни, такой длинной-длинной. Друзья-товарищи. Работа в

библиотеке. Работа с читателями. Стенды. Книги. Мечты...

В общем, много чего. И хорошего, и не очень (а как без этого?).

Потом проводы на пенсию... Комната в коммуналке... которую у меня украли...

И наконец — пансионат «Калинов мост», похожий на сказку. Хозяйка пансионата Софья Ивановна и три её дочки: Верочка, Любочка и Надюшка.

А потом — как гром среди ясного неба: кончилась сказочная жизнь, «Калинов мост» забирают какие-то богатенькие буратины...

А потом...

А потом — вдруг — Сказка. И я в ней — Баба Яга. Сбылась мечта идиотки!

— Всё, всё, хватит, хватит воспоминаний, — одёргивает меня Карл Иванович. — Уже на ёлке места пустого не осталось.

Ну, хватит так хватит.

Глава 10

Смартфон

За два дня до Нового года Альке подарили смартфон. «Honor 8A Prime 64 Гб». То есть вообще-то предполагалось положить коробочку с электронным чудом под ёлку, чтобы ребёнок в новогоднюю ночь нашёл и, соответственно, обрадовался. Но ребёнок полдня ходил, канючил. Мол, какая разница — день туда, день сюда?

Мама подумала-подумала и согласилась: ладно, чего зря ребёнка мурить, пусть уже радуется прямо сейчас.

Теперь он, счастливый, сидел на диване и играл в «Майнкрафт».

И тут вошла бабушка. Она сказала:

— Так, ёлку — нарядили, Деду Морозу письмо написали. Что ещё осталось?

— Не знаю, — пожал плечами Ариэль, не отрывая глаз от экрана.

В Деда Мороза он не верил давно. Точнее будет сказать — никогда не верил.

Нет, ну когда совсем уж мелкий был — тогда, наверное, да. Какой спрос с трёхлетнего карапуза?

В общем, Алька, сколько себя помнит, всегда совершенно ясно видел, что Дед Мороз — это переодетый дедушка с ватной бородой. А Баба Яга, приходившая с ним вместо Снегурочки, — соответственно, бабушка, вся перемазанная сажей и губной помадой.

Но не хотелось никого огорчать, и потому он очень правдоподобно делал вид, что радуется Деду Морозу и боится Бабы Яги.

Сейчас уже можно не притворяться. Всем ясно, что он слишком большой мальчик, чтобы верить во всякую ерунду.

Вот племянник, Ваньша, немножко подрастёт — пусть тогда старшее поколение для него старается:

наряжается, разговаривает ненатуральными головами...

— Алька, — сказала вдруг бабушка, — а давай мы с тобой что-нибудь придумаем? Чтоб весело было. Заведём какую-нибудь хорошую новогоднюю традицию или что-то вроде того! Давай, а?

— Давай, — на автомате, не отрываясь от экрана, согласился Ариэль. — А что?

— Ну, не знаю, — бабушка задумалась. — Например, можно на каждый Новый год придумывать новую сказку.

— Давай, — опять не стал возражать внук, продолжая играть.

— Может, ты перестанешь уже пялиться в эту штуку и посмотришь на меня?

— Не могу. У меня тут крайне сложная ситуация возникла...

— А как же сказка? — обиделась бабушка.

Ариэль вздохнул, нажал на паузу, поднял глаза. Спросил:

— Кто будет сочинять?

— Сделаем так: ты начнёшь, а я продолжу.

— Ну ладно... Значит, так. Жил-был один блогер. Каждый день он выкладывал на свою страницу клёвые видео. Но подписчиков у него почему-то всё не было и не было.

— Это ты сказку сочиняешь? — тихо ужаснулась бабушка.

— Ты же сама простила. Так вот, значит, подписчиков у него всё не было и не было. И вдруг однажды утром он открывает свою страницу. А там...

Что там увидел бедный блогер, об этом никто никогда не узнал, потому что в комнату вошёл дедушка и предложил:

— Идёмте делать снеговика. Погода стоит — сказочная. Солнце — сияет, птички — поют, снег — лепится! Но только нужно поскорей, а то скоро вечер, солнце уйдёт за гору, будет совсем не то!

И они пошли. Втроём.

«Honor» Алька положил во внутренний карман куртки — очень уж не хотелось расставаться с драгоценным подарком даже ненадолго!

Снеговик получился замечательный, высотой метра полтора.

Лепили его долго, до самых сумерек. Потом на балкон вышла мама и позвала всех домой. Ребёнку пришлось время читать книгу.

Ариэль начал было протестовать: мол, каникулы же! Однако мама была непреклонна: читать нужно каждый день, иначе мало толку.

Книжка была, в общем-то, интересная. Хотя древняя, конечно. Про те времена, когда дедушка с бабушкой были совсем маленькими.

Называлась книжка «Сказка среди бела дня». По ней даже кино сняли, «Снежная сказка». Нормальный такой фильм, Алька смотрел его давно, в детстве.

Но книжку читать оказалось даже интересней.

Начиналось так:

«Есть ли на свете что-нибудь лучше утра 31 декабря! Когда всё впереди: и новогодняя ёлка, горящая разноцветными огнями, и подарки, которые тебя уже ждут, но ты не знаешь какие, и новогодние пироги впереди—румяные, пышные...»

В общем, как раз про наступающий Новый год.

И про мальчика Митю, который придумал, что его часики с нарисованными стрелками—волшебные. И про девочку Лёлю, которая сначала была простым снеговиком, а потом вдруг ожила благодаря Митиным волшебным часикам.

Оно, может быть, немного не по возрасту—вырос Ариэль из таких наивных сказочек. Но написано интересно, так что ладно, можно и почитать...

Он читал, читал, потом устал немного, решил отдохнуть. И, само собой, вспомнил про подарок.

Но в кармане куртки телефона не оказалось!

«Выронил, когда лепили снеговика!—ужаснулся Ариэль.—Где ж его теперь найдёшь, в снегу, да ещё по темноте?»

К счастью, светила полная луна, и видно было почти как днём. Алька шёл, глядя себе под ноги, и всё искал, искал, искал...

А потом внезапно хлопьями повалил снег. Такой густой, что с трудом можно было увидеть свою собственную руку.

Из снежного марава вышел мальчик в белой куртке и спросил:

—Что ты ищешь?

—Да так... одну вещьцу.

—В такой снегопад ничего не найдёшь, к сожалению,—сочувственно сказал мальчик.—Нужно подождать до завтра. А пока я предлагаю поиграть в снежки.

И они стали играть. Белые шарики летали и рассыпались. Пушистый снег сыпался за шиворот, попадал в рукава. Перчатки давно стали мокрыми. Было так весело, что о потерянном смартфоне как-то даже и не вспоминалось.

И вдруг...

—Прости, что я не сказал тебе об этом сразу. Твой телефон—он здесь!—мальчик приложил свою правую руку к левой стороне груди.—Он у меня вместо сердца.

Алька, естественно, не поверил:

—Мой «Ноног»? Ты прикалываешься, да?

—Видишь ли, я тот самый снеговик, которого вы сегодня слепили. Ты случайно выронил телефон, и он оказался внутри снежного кома. Как раз на том месте, где положено быть сердцу. И вот я ожил. Ты даже не представляешь себе, как это здорово—быть живым!

Алька смотрел на мальчика и не знал: верить или не верить всей этой околесице?

Наверное, нужно было просто сказать: «Фиг с ним, когда-нибудь со временем мне, возможно,

купят другой „Ноног“. А если и не купят—то тоже не конец света!»

Но Ариэль молчал.

Тогда мальчик расстегнул молнию на своей куртке и вытащил из-за пазухи смартфон:

—На, возьми. Прости, я не хотел... не хотел... не хотел...

И превратился в снеговика.

Он стоял теперь белый, неподвижный, с угольками вместо глаз. На голове ведро. Нос—морковка.

Такой смешной.

Алька смотрел на него и чуть не плакал...

И тут его разбудила мама.

—На, держи своё сокровище. И не оставляй больше в кармане, а то я сейчас чуть не постирала его вместе с курткой.

Алька взял свой «Ноног», посмотрел на него. Подумал: «Нашёлся, значит. Или он вообще не терялся? Да, конечно, это ведь просто сон был...»

От этой мысли стало немного легче. Но грусть—не проходила почему-то.

—Сын, ты чего? Часом, не заболел? Эй! Надо к празднику готовиться, а ты хандрить.

—Не хочу...—грустно сказал Ариэль.—Ничего не хочу...

И сам удивился: «Зачем я это сказал?»

Но опять повторил, медленно, почти сердито: —Не хочу. Не хочу.

—Да что с тобой такое?—не на шутку встревожилась мама.—Нет, схожу-ка я за градусником.

—Не надо за градусником. Мам, можно, я выйду на улицу, посмотрю на снеговика?

—Сходи погляди, если тебе так приспичило,—мама удивлённо пожала плечами.—Только не долго, пожалуйста.

Снеговик стоял всё такой же смешной и весёлой: на голове—ведро, вместо носа—морковка. Он подмигнул Альке левым глазом и сказал шёпотом: —Не журись. Это—всего лишь сон. Снежная сказка.

А может, это ветер прошуршал брошенным полиэтиленовым пакетом?

Снежная сказка...

Снежная сказка...

Снежная сказка...

Глава 11

Дворник Петрович

Покинув спешным порядком осаждённый «Калинов мост», Вадим Петрович Никошев устроился работать дворником. И вот уже больше года он здесь. Двор, который ему поручили держать в образцовом порядке, не слишком велик. Но и не слишком мал. Средненький такой дворик, окружённый четырьмя пятиэтажками.

Не привыкший к физическому труду бывший бизнесмен поначалу сильно мучился и страдал: уставал, набивал мозоли на ладонях. Опять же спина...

Но постепенно как-то втянулся. Ладно, чего там, бывает и хуже. А тут вполне терпимо. Особенно если принять во внимание тот факт, что ему, как труженнику метлы и лопаты, выделили жильё. Крохотная такая комнатусечка на первом этаже. Причём ни за свет, ни за воду платить не нужно: все расходы берёт на себя ЖКХ. Зарплата, конечно, смешная. Но в любом случае лучше, чем ничего.

Вот так важный господин Никошев стал протым дворником Петровичем.

Обстановку в жилище Петровича изысканной не назовёшь. Однако того, что имелось, было достаточно, чтобы жить. Узкая деревянная кровать с ватным матрацем. Коврик на полу, чтоб ногам не холодно было вставать по утрам. Шкафчик с нехитрой посудой. Холодильник непонятной марки, местами облупившийся, но рабочий. И даже телевизор. Тоже, конечно, древний. Ну да какой есть.

Петровичу нравилось после тяжких праведных трудов поваляться на неразобранной постели в одежде. Лежать, глазеть в мерцающий ящик, лениво материть всё подряд—от местных и центральных новостей до «Дома-2» и петросяновской «Смехопанорамы»...

Не так давно была осень. Листопад. Такая мерзость. Целый день сгребашь, сгребашь эти листья в кучи...

Потом листья кончились, началась зима. От осени она отличалась только холодом. А так—та же грязь. Тот же мусор. Те же самые лужи, только полузамёрзшие. И так почти весь декабрь.

Примерно за неделю до Нового года повалил снег. Тяжёлые белые хлопья падали на газон, на тротуар, на лавочки... И началась настоящая тоска.

Если листопад—мерзость, то снегопад—это мерзость в квадрате или даже в кубе: нужно подниматься в пять часов утра, брать лопату и расчищать пешеходные дорожки.

А тут ещё какие-то идиоты скатали снеговика: глаза—два камушка, морковка вместо носа, нарисованный рот, на голове расколотое пластиковое ведро... И всё это посреди двора, на детской площадке.

Не сказать, чтоб сие произведение народного творчества дворнику сильно мешало. Но ведь бесит: на фиг оно тут, уродство это?

Петрович решительно подошёл, прицелился лопатой, решая, с какого бока удобнее начать ломать. И тут, как по команде, детишки из подъезда посыпались. С ними бабушки, мамы...

Почему-то не захотелось вершить расправу над безвинным снежным человеком на глазах у малышни. Ещё рёв поднимут. Взрослые зашумят,

завозмущаются. Недолгобливает здешний народ вечно хмурого, нелюдимого дворника. Не дай Бог нажалуются начальству. А он и так тут на птичьих правах.

Решил Петрович действие-злодейство отложить на потом. Ночью совершить. Или рано утром, пока все спят.

С тем и подался в свою каморку. Инструмент в угол поставил, тулупчик скинул, телевизор включил. Рухнул в койку, лежит, в потолок смотрит. Настроение гадкое, не понять с чего. Выпить бы. Да нету, всё кончилось ещё вчера. А зарплату только в будущем году теперь дадут.

По ящику опять какую-то туфту показывают. Но вставать, выключать—лень. Ладно, пусть тарыхтит.

Повернулся Петрович на правый бок, тулупчик на голову натянул, да и прикемарил.

Разбудил его резкий стук в дверь. Чёрт, кого принесла нелёгкая? Не дай Бог начальство.

Петрович тяжело поднялся, хрипло спросил: — Кто там? — Свои,—весело отозвался незнакомый голос. — Какие ещё свои? Нет у меня никаких своих. Чужд я этому миру...

С той стороны немного помолчали. Потом спросили по-деловому:

— Водки хочешь?

— Ну, допустим...

— Тогда открывай.

Петрович подумал, посомневался. Повернул-таки ручку замка.

На пороге стоял среднего роста субъект в поношенной телогрейке. На голове растрёпанная шапка-ушанка, в руках две нераспечатанных поллитры. И улыбка во всю физиономию: вот он я, подарок к Новому году!

Они сидели друг против друга за столиком: разочаровавшийся в этой жизни дворник и его неурочный гость.

Сначала выпили за знакомство. Потом за здоровье. Потом ещё за что-то. После третьей или четвертой гость спросил:

— И нравится тебе такая жизнь?

— Не нравится,—честно признался бывший бизнесмен.— Но другой всё равно нету.

— А если я скажу: есть!— что тогда?

— Тогда я тебе не поверю.

— Вот это зря.

— Ни фига не зря!

Вадим Петрович Никошев точно знал, что верить никому нельзя. Вообще никому.

— Ты даже представить себе не можешь, кто я такой!—таинственным полущёпотом сказал гость, многозначительно подмигнув.

— А мне это не актуально,—отмахнулся дворник.— Хоть сам папа римский.

— Бери выше. Сам Кощей Бессмертный.

— Ну, тогда я Иван-царевич.

Гость обиделся:

— Я серьёзно, а ты...

— Давай лучше ещё по одной!

— Нет, погоди. Ты мне не веришь, да?

Вадим Петрович оценивающе поглядел на гостя: неказистый, лысина на полголовы, нос картошкой. Морда красная, невыразительная. Типичная шваль подзаборная. Интересно, чего он припёрся? Переночевать негде? Или просто не любит пить в одиночку, шибко компанейский?

— Не, не верю...

— А так?

И произошла метаморфоза. Полное преображение. Вначале вроде как дымка возникла (возможно, просто в глазах на миг потемнело). Потом всё прояснилось. И вот уже сидит перед ошалевшим дворником то ли сам король Ада, то ли ещё кто-то не менее великий и ужасный. Ростом — огромн, вместо глаз — две застывшие чёрные молнии, голос — как раскаты грома:

— Чего молчишь? Язык проглотил?

Тут проглотить...

Гость захохотал так, что стаканы со стола попадали:

— Ну, теперь ты мне веришь?

— Верю...

— И что думаешь?

— Пи... пи... пить надо меньше...

Глава 12

Предложение, от которого трудно отказаться

— Значит, ты и вправду этот... Кощей Бессмертный?

И икнул, запоздало прикрыв рот ладошкой.

— Он самый.

Гость по настоятельной просьбе хозяина (для более комфортного общения) вернул себе вид давешнего забулдыги.

— А правда, что смерть твоя — в яйце, яйцо в утке...

— Вот именно, «в утке». Дурят вас, детей малых, как хотят. Я сам — Смерть.

Вадим Петрович непроизвольно вздрогнул. Умирать ему точно не хотелось. Тем более прямо сейчас.

— Да я не в том смысле, — понимающе усмехнулся гость.

— А в каком?

(Вроде как отлегло немного от сердца, но беспокойство осталось.)

Вместо ответа гость сурово спросил:

— Знаешь, что такое Хаос?

Петрович обиженно ударил кулаком по столу: — Меня моя начальница замордовала: «Я этого хаоса не потерплю, я этого хаоса не потерплю!» И ты туда же...

— Тьма, — благодушно икнул Кощей. — Причём — беспросветная.

— Обидеть бедного дворника каждый может! — всхлипнул Петрович. — Обзываешься, да?

— И не думал. Тьма — это то, что вы называете небытием, а в действительности...

Кощей хотел было объяснить, что Тьма — это не отсутствие света и даже не отсутствие всего, но как раз наоборот — бесчисленность и необъятность. То, что не подвластно человеческому уму, и воспринимается им как Хаос, ужасный и непоостижимый.

Но, подумав, понял: пустая трата времени. Это всё равно что двоечнику-первокласснику объяснять... ну, скажем, сущность теоремы Ферма.

— В общем, не заморачивайся.

Однако господину Никошеву хотелось ясности. Очень хотелось. Он осушил в очередной раз свой стакан и спросил сильно заплетающимся языком: — Значит, сказки врут, что твоя смерть на конце иглы?

— Может, и не врут, — пожал плечами Кощей. — Всё зависит от того, как на это дело поглядеть. Игла — луч света. Свет — источник жизни. Жизнь и смерть — вещи взаимоуничтожающие... Но вообще-то я пришёл к тебе не за тем, чтобы предаваться беседам о высоких материях.

— А зачем? — удивился Вадим Петрович.

— Хочешь мне помочь?

— Не... Не уверен... А что мне за это будет?

— Скажем так: власть, богатство и уважение.

— Уважение — это хорошо. Ты меня уважаешь? — Вадим Петрович потянулся через стол, имея цель поцеловать гостя. — А я тебя люблю!

Кощей вежливо отклонился:

— Тебя будут бояться. Бояться — значит, уважают. Так ведь у вас говорится?

— Ну, допустим. А что я должен буду... это самое...

— Ничего особенного. Просто приютишь одного мальчика.

Вадим Петрович потемнел лицом:

— Нет... только не это. Один раз я уже приютил... двух мальчиков. И что из этого вышло?

— Мой мальчик не такой, как твои приёмные сыновья, — успокоил Кощей. — Во-первых, он станет делать за тебя почти всю работу. Снег будет разгребать. Чем плохо? А во-вторых, это совсем ненадолго, только до Нового года.

До Нового года три дня. Можно и потерпеть, если что. Господин Никошев вздохнул тяжело:

— Ладно, хрен с тобой. Я только не пойму: чего ты за него хлопотать взялся? Он тебе кто?

— Никто. Но так нужно для дела.

— Для какого?

Гость задумался: объяснять — не объяснять?

— Ладно, чёрт с тобой, расскажу. Хочу в этом году вместо Деда Мороза подарки разносить.

— Фи. Оно тебе надо? Ты, что ли, добрый такой?

— Ага, сама доброта, — хихикнул Кощей. — Знаешь, что такое эпидемия?

— Это грипп, что ли?

— Не обязательно. По чуму, про оспу слышал?

— Так её же победили вроде как? — неуверенно спросил Петрович, чувствуя в районе солнечного сплетения неприятный холодок.

— Ну, во-вторых, не совсем и не везде. А во-вторых, можно и ещё что-нибудь придумать, новенькое, так сказать.

— А зачем?

— Земля перенаселена. Или ты не в курсе?

— А, вон оно что. . .

Нет, не нравился Петровичу такой разговор.

— И тут только два пути: или война, или эпидемия. Можно, конечно, то и другое сразу.

Ну до чего же неприятный тип этот Кощей. Бр. . .

Вадим Петрович скривился, спросил вызывающе: — А мне-то от этого какая польза?

— Ну как? Сократится численность народонаселения. Дворнику работы меньше.

Вот спасибо, уважил! Вадим Петрович опять поморщился, даже головой потряс, пытаясь протрезветь:

— Так это ж там, в Китае, перенаселение. В Индии ещё. Или, скажем, в Европе. А у нас в России всё наоборот. Нам бы рождаемость повысвить. . .

Гость внимательно посмотрел на собеседника, удивился:

— Да вы, батенька, патриот. Ладно, флаг вам в руки, повышайте свою рождаемость. Но Деда Мороза мне по-любому нужно в ловушку заманить и заколдовать. Чтобы потом самому вместо него на троечке да с ветерком. . . Или на чём он там катается? На оленях?

— Без понятия, — честно признался господин Никошев. — Мне это в принципе не интересно. Но я так и не понял: а зачем тебе этот геморрой?

Кощей почесал лысый затылок, пожал плечами:

— Сам не знаю. Ну хочется мне. Для развлечения. От скуки. Да и спор тут вышел небольшой. . .

— Спор — это святое. А только я-то тут при чём?

— Говорю же — пацана одного приютишь.

— На фига?

— Опять двадцать пять, — Кощей начал уже выходить из себя. — Ты рыбу когда-нибудь ловил?

— Ну, допустим.

— Так вот, малец этот будет чем-то вроде наживки. Чтобы, значит, Дедушка Мороз клюнул и попался мне на крючок.

С крючком и наживкой всё было более или менее ясно. Непонятно было другое.

— А я-то что с этого буду иметь?

— Скажем так: ты будешь моим земным воплощением. Хочешь?

— Ну-у. . . — неуверенно протянул дворник. — Даже не знаю. Это злодеем, что ли?

— Злодеем, злодеем, — охотно подтвердил неурочный гость. — Потому что в любой сказке всегда должен быть отрицательный персонаж. Иначе никакой интриги. С чем, спрашивается, будет бороться Добро, если не будет Зла?

— А может, я хочу быть положительным. . . персонажем! — вызывающе заявил Петрович и вдарил кулаком по столу. — Белым и пушистым.

— Хотеть, конечно, не вредно, — не стал спорить Кощей. — Но сам посуди: добрый должен всё время совершать хорошие поступки. Совершать, и совершать, и совершать. А если он хоть однажды этого не сделает? Например, пройдёт мимо, не заметив. Или ошибётся. Устанет, в конце концов, и пойдёт всё к чертям собачьим. И моментально все отвернутся от него и скажут: «Фи-и!» Злодеем быть проще. Сделал один раз что-нибудь хорошее. . . Или даже так: просто не сделал пакость. Из лени ли. . . или же от забывчивости. . . или ещё от какой причины. Тут же возникает мнение: «Может, он не такой плохой, а? Может быть, в глубине души он гораздо лучше, чем кажется снаружи?» Или я не прав?

— Ну-у. . . — господин Никошев серьёзно задумался.

— Решайся уже. Вот смотри: у меня есть перстень-печатка с парсунной Бафомета. Стоит надеть его на указательный палец правой руки, как все тёмные силы обязаны будут тебе помогать. Ты даже не представляешь, какую власть обретаешь!

— Какую?

— Безграничную!

— И мне больше не нужно будет самому сгребать снег?

— Естественно!

— А, бес с тобой, согласен, — снизошёл Петрович и широко, залихватски размахнулся правой рукой. — Держи клешню!

Гость отсутствовал минут десять, не больше. Вернулся не один. Вместе с ним вошёл мальчик лет тринадцати в белой синтепоновой куртке и таких же штанах. На голове вязаная шапка, тоже белая. Лицо худое, бледное. Глаза — зеленоватые. Какие-то холодные, отсутствующие.

— Знакомься. Это как бы твой внук, приехал погостить на каникулы. Зовут Лёнька.

— И что мне с этим счастьем делать? — недовольно оттопырил губы господин Никошев.

— А ничего особенного. Вот раскладушка. Отведёшь ему место где-нибудь в углу. И посылай по утрам и вечерам вместо себя чистить двор от снега. Нужно, чтобы ему жизнь мёдом не казалась. Для чистоты эксперимента, так сказать. А пока он напишет письмо доброму Дедушке Морозу. Слышь, пацан, вот тебе бумага, вот карандаш. Раздевайся, садись, пиши.

Мальчик покорно-равнодушно снял куртку и шапку, сел к столу, взял в руки карандаш.

— Пиши, я буду диктовать. Значит, так: «Милый Дедушка Мороз, возьми меня к себе, мне здесь очень плохо...»

Глава 13

Снегурочка

Бабушка Марана и дедушка Хорс вылепили меня из снега и льда. Так бывает каждый год. Такая традиция, и её никто никогда не станет отменять, я думаю.

Я стояла на открытой возвышенности и сверкала, будто была сделана из горного хрусталя, а белая моя снежная одежда искрилась и мерцала, как россыпь бриллиантов.

Хотя такое сравнение в корне неправильно. Не снег блестит как бриллианты. Это бриллианты отдалённо напоминают сверкающий под солнцем свежеснеженный снег. Сами посудите: что первично? Ведь граниты алмазы люди научились не так давно. Вода появилась на планете Земля куда раньше. И вообще: что важнее для жизни—вода или красиво обработанные камешки? Но это так, лирическое отступление.

Вначале я не хотела оживать. Мне ведь нравилось быть просто снегом, лежать на вершине горы, ни о чём не думать, ничего не хотеть...

А у живых вечные проблемы, печали, заботы. Но, как оказалось, и радости тоже!

Дедушка Хорс ласково погладил меня по голове и сказал, что скоро праздник, Новый год. И меня на этом празднике очень-очень ждут.

А ещё сказал, что сейчас мне следует надеть лыжи и идти к Деду Морозу в терем. Я спросила: — Как же я пойду одна? Ведь я совсем не знаю дорогу!

Мне ответили:

— Не бойся, не заблудишься. По дороге ты вспомнишь всё! Ведь ты состоишь из воды, а вода—это Память Мира.

Я не рискнула спорить с богами, потому послушно переобулась в лыжные ботинки, уложила свои новенькие голубенькие сапожки в рюкзачок, взяла в руки палки, оттолкнулась и поехала.

И сразу начала вспоминать.

Во-первых, моё тело моментально вспомнило, что ехать на лыжах—легко и весело! Я стремительно неслась с горы вниз. Ветер бил мне в лицо, раздувал мои волосы, выбивающиеся из-под белой пушистой шапочки. На резких поворотах сердце моё готово было выпрыгнуть из груди—мне казалось, что я лечу, как птица!

Спустившись вниз, я неторопливо заскользила по зимнему лесу. Белый искрящийся снег лежал повсюду: на земле, на пнях и ветках деревьев. Весело переговаривались птицы. Дятлы стучали своими длинными крепкими носами, добывая себе на завтрак жуков-короедов.

Мне захотелось пить. Я подошла к одной из ёлок и слизнула языком снег, лежащий на её колючей ветке. И сразу вспомнила всё. Ну или почти всё.

Вспомнила, что каждую зиму я, слепленная из льда и снега, превращаюсь в живую девочку. Потом, в марте, растаяв на весеннем солнце, убегаю вместе с весёлыми звенящими ручейками далеко-далеко. Летом я плаваю по небу в виде облака. Осенью проливаюсь грибным дождём. А потом—опять падаю на землю белыми хлопьями.

Вспомнила я и шумное праздничное веселье у новогодней ёлки: музыку, детский смех, подарки в цветных пакетиках...

И только дорогу к терему Деда Мороза мне так и не удалось вспомнить. А уж как я старалась!

Что было делать? Куда идти?

Притомившись, я остановилась возле старой развесистой сосны и задумалась. Ноги мои непривычки сильно устали от долгой ходьбы. Да ещё, как назло, правый ботинок оказался мне чуть-чуть маловатым.

И тут из-за кустов вышел большой серый Волк. Он сказал:

— Бросай свои лыжи и садись на меня верхом.

— Ой,—сказал я.—Ты откуда взялся?

— Вообще-то я здесь живу,—совсем не сердито проворчал Волк.—А конкретно к тебе меня прислал Велес. Переживает, как бы ты не заблудилась. Ну так что—будем ехать или и дальше поचाпаем пешочком?

Чапать мне не захотелось. Я быстренько переобулась в свои сапожки. Спросила:

— А куда лыжи?

— Оставь здесь. Кому надо—заберёт. Да садись ты уже, не тяни кота за уши!

Вначале я подумала, что скакать верхом на Волке будет не очень комфортно. Однако Волк оказался мягким, тёплым и чрезвычайно уютным. Просто диванчик-канapé, а не Волк.

Я, очевидно, сильно утомилась, пока шла на лыжах. И потому незаметно для себя уснула.

Проснулась я почему-то уже верхом на Медведе. — Ой,—удивилась я,—а ты кто?

— Посланник Велеса,—коротко ответил он, не поворачивая головы.

И дальше всю дорогу мы молчали. Медведь оказался совсем неразговорчивым. Не то что Волк: тот всю дорогу рассказывал мне разные ужасно смешные анекдоты. Пока я не заснула.

Наконец мы добрались до сверкающего дворца Деда Мороза. Там нас давно с нетерпением ждали.

Правда, Дедушка Мороз ещё не приехал. Но бабушка Зима была очень рада вновь увидеть меня. Почему «вновь»? Я говорила уже: всё это происходит со мной каждый год.

Меня усадили за стол, стали кормить вкусными вагрушками с творогом, поить чаем.

Мы сидели и разговаривали о грядущем празднике. Я спросила:

— А что мы будем делать завтра?

— Завтра? — бабушка Зима заразительно зевнула. — Да ничего особенного. У меня свои дела. А ты, если хочешь, покатайся на лыжах, полюбуйся окружающей природой.

— Нет, только не это, — вежливо отказалась я, вспоминая свой сегодняшний марш-бросок.

— Тогда на саночках. С горки. Или, если хочешь, возьми оленей. Или тройку лошадей запряги. Заодно потренируешься управлять гужевым транспортом.

Да, это уже лучше. На лошадях. Или на оленях. С ветерком.

— А хочешь — телевизор смотри. Там столько интересных новогодних передач обещают... Ну всё, всё! — спохватилась бабушка Зима. — Хватит! Время позднее, заканчиваем разговоры. Завтра будет завтра. А пока — спать, спать, спать! Иди, внученька, я тебе постелила.

— Спасибо, бабуля, — сказала я. — Спокойной ночи! — Спокойной ночи, моя радость!

В окна моей комнаты светила полная луна. Не включая свет, я прошла к одному из окон, отёрнула занавеску и выглянула на улицу. Было светло и тихо. Снег искрился. Деревья стояли белые, нарядные. Вдалеке, на фоне неба, облитые лунным светом, возвышались остроконечные вершины гор.

Глава 14

Что рассказал филин Савелий

Весь декабрь письма идут потоком. А потом...

Вот что самое трудное в моей работе, как вы думаете? Предпраздничная свистопляска, когда не продохнуть, когда в день иногда приходится разбирать по несколько десятков тысяч писем?

Ничего подобного. Здесь как раз всё нормально, всё продумано. Я научил читать сорок и ворон, и они трудятся на благо жаждущего подарков человечества от рассвета до заката: помогают мне разбирать корреспонденцию.

Конечно, светлое время в декабре длится не больше восьми часов. А сороки, да и вороны тоже — птицы дневные. Ночью они ни черта не соображают — какая тут работа!

Потому ночью уж я — сам... Сам, сам тружусь. Да ещё мышей подключаю, чтоб скучно не было. А если совсем запарка, то и крыс.

Ночью хорошо. Звёзды. Луна светит. Снег переливается, сияет таинственно и мягко. Глазам не больно. Не то что днём.

А днём солнце яркое. Всё вокруг горит, сверкает — ослепнуть можно.

Днём я спать хочу. Двигаюсь как сомнамбула, наткнувшись на разные предметы.

А ночью у меня — бодрость и жажда деятельности. И активность повышенная. Это потому что я — сова.

Точнее — филин.

Зовут меня Савелий. Такое вот красивое имя. Я сам придумал. Дедушка хотел было меня Филей назвать, но я возмутился. Не захотел. Слишком уж всё просто и примитивно: раз филин — значит, Филя. Никакой фантазии!

Да, но я отвлёкся, простите, пожалуйста! Я ведь про что? Про трудности моей службы.

Служу я, как кто-нибудь уже наверняка догадался, секретарём у Деда Мороза. Моё дело — разбирать предновогодние письма с разными просьбами: «Дедушка, подари мне то-то и то-то, мне оно очень надо!»

Или: «Дедушка пришли мне новый смартфон, иначе я опять стану плохим мальчиком, вот увидишь!»

И так далее, и всё в том же духе.

Всем от дедушки чего-то надо! Просят и просят. Просят и просят. Аж противно бывает.

И так весь декабрь.

А как только наступает январь, так сразу — всё! Тишина. Как отрезало! Хотя бы одно коротенькое письмишко. Или копеечная открыточка к какому-нибудь празднику. Нет. Ничего похожего. Ни гу-гу. Никто даже и не вспоминает про Дедушку Мороза.

А мой старик ждёт. Страдает. Хотя виду, конечно, не подаёт. Но меня-то не обманешь, я-то всё замечаю!

Так печально бывает на это смотреть, что впрору сам садись и пиши письмо дедушке.

Да я уж давно сел бы и написал ему кучу писем. Каждый день бы писал по письму. Или ещё лучше — по два. Нет, по три. Но...

Но пишу я как курица лапой!

Оно, конечно, сравнение не совсем корректное: где я — и где курица! Однако с природой всё равно не поспоришь: ну не приспособлена птичья лапа для написания текста с применением шариковой, либо гелиевой, либо ещё какой ручки.

Вот на компьютерной клавиатуре я бы смог. Тюк-тюк потихонечку, тюк-тюк.

А только старикан мой никакой электроники в доме не держит. Из принципа. Хочет, чтоб всё — по старинке. Чтоб, значит, как в дни его светлой и безоблачной молодости!

Ох, когда они были-то, эти дни?

Ну да ладно. Не об этом речь. Речь о письмах. Точнее, об их отсутствии.

Итак, я сам писать — не могу, ибо почерк у меня...

Кстати, вспомнилась хорошая индийская притча. Как раз в тему.

Приходит как-то один мужик, индус (а у них там в Индии в основном индусы живут), к писарю. Дело давно было, народ в массе своей грамоты не разумел. Вот и ходили на поклон к тем, кто с горем пополам алфавит выучил.

Так вот. Мужик этот, который индус, просит писаря (тоже, кстати, индуса): мне, дескать, надо по-срочному письмо написать. Сеструхе. В соседнюю деревню. Помогите, мол! А уж я тебя за твои труды отблагодарю как положено!

Писарь ему говорит: «Прости, друг, не могу. Нога болит». Мужик удивляется: «Ты чё, охренел прикалываться? Скажи ещё, что— ногой пишешь!» — «Пишу-то я, конечно же, рукой,— отвечает писарь.— А вот только писанину мою, мною написанную, никто, кроме меня самого, разобрать не сможет. И потому пошлют за мной, для разъяснения. И как я, по-твоему, пойду— с больной-то ногой?»

Ага, аккуратно про мой почерк!

Но я опять отвлекся.

Так вот, значит. Повторяюсь: самая большая трудность в моей работе— это отсутствие писем. Тех самых, от которых в декабре отбою нет!

И что с этим делать— ума не приложу. Уж я и намекал пробовал детишкам: осчастливьте дедушку, напишите пару тёплых слов!

Да только современные дети чересчур прагматичны. Говорят мне: «Большие мы уже, чтоб во всякую чушь верить!» А самые маленькие, которые— верят, те— опять же беда— писать не умеют! Вот такой расклад.

Да, я забыл сказать, что после праздников мы с дедом из ледяного дворца, где, конечно же, красиво, но холодно и чересчур помпезно, перебираемся в маленький симпатичный домик, недалеко от одной одинокой полузабытой деревни, в лесу, на берегу большой красивой реки, не буду её называть, а то другие реки начнут завидовать.

Мне в домике гораздо больше нравится. Он хоть и небольшой, но хороший. И всё, что нужно для жизни, в нём есть. Кухня с печкой. Спаленка, небольшая, но уютная. И ещё комната, называемая торжественно: «зала». Здесь Дед Мороз гостей принимает. Ну, разных там зайцев, лис, волков, бурундуков, белок... Звери покрупнее— лоси, олени, медведи— в хату не помещаются, потому с ними старик на свежем воздухе общается.

Однажды я в очередной раз взялся наводить в нашем жилище порядок. Пыль протёр, полы подмёл. А потом вдруг ни с того ни с сего вспомнил про чердак. На нём уже лет сто никто не убирался, а лишь толкали туда всё подряд и как попало.

В общем, решил я немного и там прибраться. И вот среди старых газет и открыток я нашёл конверт, подписанный: «Дедушки Марозу».

По почтовому штемпелю я вычислил, что адресовано письмо было ещё тому, старому Деду Морозу, который работал здесь раньше, до моего старикана.

«Да, в те времена дети были не в пример добрее и доверчивее,— подумал я.— Или, может, просто не были такими загруженными?»

Мне стало любопытно, и я раскрыл конверт. Смотрю— письмо, простым карандашом нацарапанное. Буквы неровные ошибки, конечно же. Видно, что совсем мелкий кто-то писал.

«Драстуй дорогому дедушка марос Мороз! Пишит тебе Саша.

Я живу в детском доме патамушта у меня никаво нет.

Дарогой дедушка Марос! Генка Синицын сказал что взапрвду тебя нет а только в сказках. Он пративный и злой и всигда меня лупит если васпитатилница ни видит.

Милый дедужка Мароз я хачу с тобой дружить! Со мной некто ни дружит патамушта я не умею драться.

Падарок на Новый Год ты мне нидори. Патамушта видь на всех падаркав всиравно не хватит.

А если вдрут захочиш то падари складной ножик. Он мне очинь нужен. Я хочу отсуда убивать. А как же я буду бижать по лесу бизаружный когда визде дикие звери?

Можно я прибигу к тебе? Я буду памагать тебе и всигда тибя слушатся.

Дасвидание. Саша».

Дочитал я это до конца и подумал: «А что, если подкинуть сей памятник эпистолярного жанра моему старикану? Якобы оно только что пришло? Бумага, как это ни странно, совсем не пожелтела от времени. В самом письме дата нигде не указана. А конверт у меня есть новый. Вот и порадуя дедушку!»

Я запечатал исписанный листок, кое-как, с грехом пополам, нацарапал сверху две печатных буквы: «Д. М.» Деду Морозу то есть. К нам иногда приходят корреспонденции и с таким адресом. Так что ничего удивительного.

Потом опустил послание в наш почтовый ящик и стал ждать.

Утром я залетел в Дед-Морозову спальню и увидел такую картину: старик сидит на койке, в ночной рубахе, на носу— очки, в руках— раскрытый конверт, на глазах— слёзы.

Я даже испугался, дедушка? Плохое письмо? Оно тебя чем-то огорчило?

— Нет-нет-нет...— отрицательно замотал он головой.— Но... Но понимаешь... это моё письмо!

И он рассказал мне про то, как один маленький мальчик по имени Саша написал Дедушке Морозу

письмо. Мальчик был совсем одинок—ни родных, ни друзей. И вдруг случилось Чудо: в их детский дом приехал самый настоящий Дед Мороз и забрал мальчика Сашу к себе жить.

А потом мальчик вырос и сам стал Дедом Морозом.

Такие вот дела.

Мне, конечно же, пришлось признаться в том, что послание из прошлого—это моя проделка. Но дедушка на меня даже не рассердился.

И всё бы хорошо, но вдруг я стал замечать, что старикан мой захандрил. То молчит целыми днями, слова не добьёшься. То ворчать возьмётся: и это не так, и то не эдак! Аппетит потерял, спать стал плохо.

И чем дальше, тем хуже.

Я его спрашиваю:

— Дедусь, что с тобой?

А он мне отвечает:

— Устал я. В отпуск хочу.

— Какой,— удивляюсь я,— тебе отпуск? Ты и так весь год, считай, отдыхаешь.

— А в бессрочный,— говорит.

— В какой, в какой?

— Эх, Савка,— вздыхает он.— Знал бы, как мне всё надоело: праздники эти, суета, письма, подарки... Хочу пожить как человек. Чтоб меня любили не за то, что я новую машинку или крутой смартфон могу подогнать. А просто так, ни за что. Понимаешь, я ведь сам по себе хороший человек, добрый. Сказок много знаю опять же...

— Так я ж тебя за то и люблю,— говорю я совершенно искренне.— Мне ж от тебя никаких подарков и не надо. Или ты сомневаешься?

— Не сомневаюсь,— опять вздыхает старик.— А только есть у меня мечта: найти в каком-нибудь детском доме круглого сироту да взять его себе на воспитание. И ему хорошо, и мне...

Я аж присвистнул:

— Ну ты, дед, даёшь! Думаешь, это так просто? В наше время, пока опеку оформишь, пять раз облезешь и нервно обростёшь.

Дедуля мой после этих моих слов совсем скис, опечалился.

Я его, конечно же, утешать начал.

— А с другой стороны,— говорю,— если взять его к нам сюда, в нашу глушь, то тут его никакие органы опеки, никакая ювенальная юстиция не найдёт. А что? Хорошая мысль. И тебе веселее, и мне развлечение: будет кому в меня сосновыми шишками кидаться.

— А разве так можно?

— Почему нет? Тебя же прежний Дед Мороз взял, не побоялся.

Старик было загорелся, но тут же погас:

— Тогда всё проще было. А сейчас и времена другие, и дети не те. Вот возьму я, к примеру, мальчонку. А он вырастет и проклянет меня за то, что я его

благ цивилизации лишил. Тут ведь у меня ни компьютера, ни Интернета. Приёмник только вот, да и тот одну волну раз в неделю ловит.

Я только крыльями развёл:

— Ну, не знаю уж, чем тебе и помочь...

— Да это я так,— вздохнул он,— шутейно. Куда мне с дитём возиться? В мои-то годы. Прости старика, болтаю невесть чего.

А за что, собственно, прощать?

Ну ладно. Поговорили. Излил дедуля мне свою душу. Полегчало ему или нет, я не понял. Но по виду вроде как успокоился.

А тут и Новый год на подходе, пора в дорогу собираться. Некогда хандрить.

Я уж и волшебный мешок с подарками в сани загрузил. Оленей приготовил: шкуры им красиво причесал, копыта посеребрил, рога позолотил украсил. Только запрычь осталось.

Итак, всё готово. Скоро, что называется, отчаливаем.

Я белкам, зайцам и волкам, которые дом сторожить остаются, ценные указания выдал на две недели вперёд. Последний облёт хозяйства совершил, проверил, всё ли в порядке. А потом прикемарил. Я ж говорю, днём меня всегда в сон клонит.

Просыпаюсь на закате.

— Дедуль, пора!

В ответ тишина. Ага, тоже, поди, спит. Умаялся старикан.

Я в спальню— кровать пуста. Я во двор. И там его нету. Белок, зайцев, волков спрашиваю:

— Где Дед Мороз?

Они только уши виновато прижимают:

— Не знаем... Не видели...

Что за шутки? В прятки, что ли, дедулька решил поиграть, счастливое детство вспомнил? Вот самое время сейчас!

Я все окрестности облетал. Под каждую, считай, ёлку заглянул: мало ли, вдруг дедуля на радостях принял на грудь, завалился где-нибудь в сугроб да и дрыхнет себе?

Однако— нету. И никаких следов. Чертовщина какая-то.

Я уж кричать давай:

— Ау, дед, ты где?

От моих воплей ворон на сосне проснулся. Для начала обложил меня по матушке в четыре этажа. А потом пояснил:

— Видел я твоего старика. Вылетел давеча на крыльцо как ошпаренный. Развернул свои ладошки, как карту. Посмотрел, посмотрел. А потом хлопнул волшебными рукавицами и исчез. Часа три назад это было.

Тут и я, каюсь, заматерился. Не выдержал. Что за шутки, ёлы-палы: до Нового года всего ничего, а у нас Дед Мороз в бега подался!

И что мне с этим счастьем делать, я вас спрашиваю?

Глава 15

Пропаж

Сплю сном праведницы. Смотрю сон про летний отдых на юге: море, пальмы, магнолия цветёт и пахнет... Вдруг (и как всегда—на самом интересном месте!) стук в окно.

А, чтоб вас! Хоть бы раз дали досмотреть до конца такую красоту!

Встаю, накидываю на плечи тулупчик, выхожу на крыльцо. Ору сердито:

— Ну и кто мне тут опять мешают мой любимый сон смотреть?

— Простите, это мы...

Перед крыльцом—зайчонок на задних лапах, передние лапки крестиком на груди, весь испуганный. За ним—ещё один, такой же белый и пушистый.

А чуть поодаль—волк и лиса. И ещё лось—здоровенный, как слон.

— Ну?—начинаю выходить из себя.

Но сдерживаюсь пока. Потому как если я из себя совсем выйду—хрен меня потом обратно загонишь!

— Бабулечка-красотулечка!—лепечет зайчонок.— Спасите-помогите! Катастрофа!

— Да что опять стряслось? Сороки воронам войну объявили?

— Хуже,—пищит другой.— Дедушка Мороз пропал...

— Это ещё зачем?

Сон—как рукой сняло. И правда—катастрофа. До Нового года—считанные часы. Так что если эти белые пушистые не шутят (а похоже, что как раз—не шутят!), то дело—дрянь.

— У Снегурки спрашивали?

— Да... Она тоже не знает...

Куда ж его, старого пер... перфекциониста, унесло так некстати? И что делать? Хочешь—не хочешь, а надо спасать ситуацию.

— Ладно,—говорю я собравшейся делегации.— Авось прорвёмся.

Надеваю шубейку, ватные штаны, валенки, шапку-ушанку, сверху шаль (прабабкина любимая вещь!). А куда без этого? Чай, не лето, не юг с пальмами.

Вытаскиваю из-под кровати метлу, выкатываю ступу из сарайки. Потом закладываю два пальца в рот и свищу молодецким посвистом.

На свист прилетает мой Карлуша, говорящий ворон. Он всё на свете знает, будет советы давать.

Объясняю птичке ситуацию, сажаю к себе на правое плечо, закарабкиваюсь в ступу.

Взмах метлой. Снежная пыль в разные стороны. Полетели.

Внизу делегация моя стоит—скучились, смотрят на меня с нескрываемой надеждой, лапками-копытами машут...

— Куда сперва, как ты думаешь?—спрашиваю я у ворона.

— Ну, не знаю. Давай в Белоруссию. Может, он у тамошнего своего коллеги загостился? За рюмкой чая да за разговорами... туда-сюда... Про время и забыл?

— А, чай, не близко до Белоруси-то?

— Ну, не близко... А что делать?!

— Я к тому, что ступе моей такого путешествия, однако, не пережить. Не нравится она мне в последнее время: всё хандрит, всё хнычет, на жизнь жалуется. Ещё и кашлять взялась. Видать, простудилась. А, ступа, что скажешь?

— А-а-апчхи!

— Вот и я про то же...

— И что теперь?—запереживал Карл Иванович.— Лететь-то всяко-разно надо!

— Я вот что подумала. Полетим на Горыныче. Он у нас парень бравый, ему все эти расстояния—раз плюнуть, два раза чихнуть.

— Ну...—согласился ворон.

Эверестович оказался дома не один. Как раз Леший к нему пришёл в гости. Хорошо, что они не успели ещё бутылочку откупорить. А то слетали бы. С печи на полати. Ага.

Мы с Карлом Ивановичем вкратце рассказали о проблеме.

Горыныч говорит:

— Ну, я готов. Как юный пионер.

А Леший:

— Возьмите меня с собой!

А Горыныч:

— Имейте совесть: я вам всё-таки не Ан-225 с неограниченной грузоподъёмностью!

Я поддержала:

— Путь далёкий, устанет наш девятиглавый. Ты уж, братец, лучше здесь походи по лесу, поспрашивай: может, кто чего слышал или видел? Ну не мог же целый Дед Мороз пропасть бесследно. Вот и поищи эти следы.

— Собака я, что ли?..—обиделся было Леший.

Однако возражать сильно не стал. Остался. А мы полетели.

Глава 16

Галопом по Европам

Дзедзед Мароза мы застали за репетицией праздничной речи.

Представляете, картина: красавец-бородач, совершенно седой, но стройный, подтянутый, стоит перед зеркалом, опираясь на свой волшебный посох, артистично размахивает свободной рукой и—говорит, говорит, говорит. Да всё так складно, да с таким чувством.

Я залюбовалась, ей-богу, чуть не влюбилась.

Он заметил нас, речь свою прервал, поздоровался, спрашивает:

— По делу какому али так, погостить?

— Какое погостить! У нас дед пропал. Не знаешь, часом, куда?

— Дед Мороз, что ли? Да нет, я с ним с прошлого года не видался. Он, конечно, не раз обещался заглянуть, да, видать, дела. Ох уж эта суета сует!

Ну вот, зря летели, выходит.

— И что же делать? — опечалились мы все втроём.

— А вы слетали бы на Украину... ну, или в Украину.

Там хоть и беспокойно нынче, а только Дід Мороз с вашим стариком как дружил, так и дружит. Может, он у него?

А что, мысль!

Поблагодарили Дзеда Мароза за добрый совет и полетели на просторы братской Украины.

Однако Діда Мороза мы не застали. Вместо него подарки в мешки расфасовывал взмыленный Санта-Клаус.

Увидев нас, он улыбнулся приветливо, оставил на минуту свою работу, бухнулся на диванчик и нас пригласил присесть.

— Здоровеньки булы! Чем могу служить?

Я не стала ходить вокруг да около:

— Помощь твоя нужна. Не подскажешь, где нам нашего Деда Мороза искать?

Никола Угодник покачал головой, искренне огорчился:

— Ничем не могу помочь, ибо не знаю.

— А кто знает? — сердито спросил уставший от длительных перелётов Горыныч.

— Никто, — печально развёл руками старик (хотя не такой уж он и старик, если разобраться: ему бы курить бросить, по ночам не лазить в холодильник, а утром бегать трусцой километров по пять — мужчина получился бы, я вам скажу!).

Итак, опять никакого результата. Опять, получается, впустую километры мотали!

Выходим мы, грустные, на крылечко. Вдруг откуда-то маленький такой гномик.

— Эй! — шепчет он нам таинственным шёпотом.

— Ась?

— Санта сказал, что про вашего деда знает Никто. Так, да?

— Ну.

— Так вот. Я знаю, где этот Никто живёт. Могу подсказать.

— Ага, — говорю, — подкажи.

— А в Германии он живёт. Его так и зовут — Ниманд. Никто то есть.

— Это за что ж его так? — удивилась я.

— А за то, — поясняет гномик, — что брал и берёт на себя вину непослушных детей. Их, детей этих, спросят, например: кто это тут напакостил? А они в ответ дружно: Никто! Мол, его и наказывайте, а мы тут ни при чём.

— Бедный герр Ниманд! — сочувственно вздохнул сердобольный наш Змей Горыныч.

Мне стало любопытно, я спросила:

— Он что там у них, заместо Деда Мороза и Санта-Клауса?

— Да нет. Есть у них и Санта-Клаус, конечно же, как не быть. И даже что-то сродни славянским Деду Морозу и Снегурочке осталось от старых времён. По-немецки это называется Вайнахтсман и Кристкиннд. Вайнахтсман — он весь такой добрый, ласковый, улыбчивый. На спине — полный мешок подарков, за поясом — розга!

— А розга-то зачем?

— Как зачем? Для непослушных детишек.

— Очень добрый дедушка, — одобрил Карлуша.

— Вот и я говорю. А Кристкиннд — она такая красавица! Она ходит в белом наряде, в руках корзинка с яблоками, орехами и прочими сладостями для послушных детей.

— Опять для послушных! — проворчала я, потому как сама сильно послушным ребёнком, помнится, не была.

— А то как же, — кивнул гномик. — Дети ей рассказывают стихи, поют песенки...

Я вежливо перебила его:

— Ну, с этим всё понятно. Снегурочка — она и в Германии... как ты её назвал?

— Кристкиннд.

— Вот именно. Давай дальше.

— Вот. А с ними ещё иногда ходит ужасный Польцникель.

— Это ещё зачем?

— Известно зачем. Народ пугать. А ещё...

— А можно поближе к теме? — вежливо попросил Серпансион Эверестович. — Мы вроде бы про этого, как его... про...

— Про герра Ниманда, — подсказал ворон.

— А что про него? — гномик пожал плечами. — Ну ездит он на своём ослике, ну раздаёт детям конфеты. Strongly добрый. Лучше я вам про Ла Бефану расскажу. Представляете, в Италии Дед Мороз — женщина. Да, да! Она прилетает в дома к хорошему детям через дымоход, верхом на метле...

— Да твою ж Йоулупукки, — не выдержала я. — На метле я и сама могу. Ты про Ниманда, про Ниманда давай! Про товарища Никто.

— Про Никто я больше ничего не знаю, — печально признался гномик.

— Может, мы сами летаем и сами всё разузнаем? — говорю. — Горыныч, ты как?

— А легко!

И мы полетели.

Но, увы, оказалось, что ничего этот самый Ниманд-Никто про нашего Дедушку Мороза не знает.

И вообще, в Германии мне чуть плохо не стало: до того всё чистенько, до того всё аккуратненько.

Ни пылинки, ни соринки, ни опавшего листика, ни клочка снега. Тротуарчики перед домами — аж блестят. Языком они их, что ли, вылизывают?

Я бы от такой жизни на пятый день застрелилась. А на шестой повесилась.

Решили мы вернуться к братьям-славянам.

Сначала — в Чехословакию. В смысле, в бывшую.

Там у них Дед Мороз называется Микулаш. Ходит он в длинной шубе, с посохом, за плечами — короб с подарками. С левой стороны от него идёт чертёнок Крампус, а с правой — Ангел. Вот такая у них весёлая компания.

Про нашего дедушку они тоже ни черта не знали. Так что мы полетели дальше.

И в Болгарии Дядо Коледа ничего толкового нам не сообщил. Так, поулыбался, поздравил с наступающим...

— И куда теперь?

— А полетели в Грецию. Всё-таки колыбель европейской культуры.

Греческого Деда Мороза, как оказалось, зовут Василием. Прямо как моего кота.

Но мужичок оказался славный.

Он как раз сидел у себя на кухне за столом с каким-то кренделем. Обыкновенный такой крендель. На колхозника малость похожий. Возле него — большой мешок из плотной ткани. Я ещё подумала: картошка у него там, что ли?

Василий, как увидел нас, поднялся из-за стола, поздоровался приветливо. Спросил: не желаем ли мы с дороги перекусить чего?

— Нет, благодарствуйте, — говорю. — У нас тут дело безотлагательной важности.

И рассказала про свою беду.

Увы, про нашего дедулю он тоже ничего не знал. Однако дал добрый совет:

— А вы, раз такое дело, найдите ему вио. Временно исполняющего обязанности.

— Это мысль! — обрадовалась я. — А ты, Вася, сам не согласился бы, а? Временно, так сказать...

— Я бы с радостью. Да у меня своих забот — выше крыши. Кто за меня ребятне подарки будет дарить? Пушкин?

Мне понравилось, что нашего Александра Сергеевича здесь тоже уважают. Как говорится: Пушкин — он и в Африке... и даже в Греции...

Но оставался вопрос: а нам-то что делать?

— Вы вот что, — посоветовал Вася, — летите-ка на Восток. Там ещё остались страны, которые Новый год отмечают по-восточному календарю, а это совсем в другое время, где-то в феврале-марте. Так что они вполне могут вас выручить, если хорошо попросите: исполнят вам роль Деда Мороза на общественных, так сказать, началах.

— Вот спасибо за совет! А поконкретней можно? Восток — он большой.

— Это да, не маленький. Ну, скажем, так: Монголия. Китай. Вьетнам. Индия. Погодите, у меня где-то шпаргалка была. От викторины «Что? Где? Когда?» осталась.

И зашарил по карманам.

— Понятно, — тоскливо выдохнула я. — Но это ж чёрт знает где! На другом конце света. Нет, Горынычу таких перелётов нипочём уже не выдержать. Притомился он. Из последних сил крыльями махает... Нет, не осилить нам этакого перелёта... Нипочём не осилить...

— Да, да, — закивал Василий. — Я вас понял. Сейчас что-нибудь попробуем сообразить.

Он задумчиво почесал затылок. И вдруг его осенило:

— Эврика! То есть, я хотел сказать — Эвр... а также — Зефир, Борей и Нот. Восточный, Западный, Северный и Южный ветра. Кони, не знающие усталости. О, это будет самая быстрая в мире квадрига. Она мигом домчит вас куда надо. Мой старый добрый приятель Эол, повелитель ветров, очень удачно заглянул ко мне в гости. Сейчас я поговорю с ним и решу этот вопрос положительно. Но только вначале прошу не побрезговать, отвезти нашей трапезы. Голодными я вас в такую дорогу всяко-разно не отпущу, даже не мечтайте.

Кушать, если честно, очень сильно хотелось.

После того, как мы с Карлушей и Эверестовичем подкрепились, Эол (тот самый крендель колхозного вида) осторожно развязал свой волшебный мешок. А из него как-ак дунет! Жуть. Чуть меня со стула не снесло к чёртовой бабушке.

Но вот уже великолепная четвёрка лошадей стоит запряжённая, грызёт удила и бьёт копытами.

Горыныча мы домой отпустили. К Лешему. Пусть они там вместе с Кикиморой мозговую атаку организуют. Голов у них много. Глядишь, до чего и додумаются.

А я, соответственно, полезла в квадригу. И Карлуша со мной.

Глава 17

Мозговая атака

Первым взял слово Змей Горыныч.

— Ну, в общем так. Дедушка наш Мороз как в воду канул. А без этого традиционного новогоднего персонажа — что за праздник?

— Это уже не праздник, — поддержала Кикимора.

Кикилия Бенедиктовна хоть и не имела к пансионату «Калинов мост» непосредственного отношения, однако вместе со своими закадычными друзьями (а также с мамашей своей, мужем и многочисленными детками) проживала теперь в Сказке, в должности Кикиморы. И была этим обстоятельством весьма довольна.

— Я полностью согласен с мнениями предыдущих ораторов, — сказал Леший.

— А коли все согласны, так давайте искать выход из создавшегося затруднительного положения.

Горыныч напустил на себя важный вид. А что, имеет право. Это ж он, а не кто-нибудь, летал за тридевять земель. И именно он пытается теперь сделать то, что, возможно, не удастся самой Бабе Яге. То есть найти замену Деду Морозу.

— Итак, какие будут предложения?

Кикилия Бенедиктовна, как первоклассница, подняла руку:

— Я предлагаю Лешего.

— Нет, нет,— поспешно заотнекивался Дядь-Лёшка.— Я ж ни одного детского стиха не помню. А то, что могу рассказать... Нет, дети этого не поймут.

— Ещё как поймут,— сдержанно хихикнула Кикимора.— Ты нынешнюю молодёжь не знаешь.

— Всё равно— несогласный я.

— А ты, Эверестович?

— Что вы, что вы! Я детей боюсь. Честное слово. Теряюсь и не знаю, как себя с ними вести. Студенты— понятно, студенты— совсем другое дело. А вся эта мелочь пузатая... Что я им скажу? Лекцию начну читать на тему «Откуда есть пошла русская земля»?

Кикимора задумалась.

— Тогда можно Кота Баюна задействовать. Ему сам Бог велел детишек развлекать. Он, кстати, и песни может, и стихи... И всё в пределах нормативной лексики.

— А что, это мысль!

— Я так не думаю,— усомнился Горыныч.— Этого строптивца уговорить— проще Вавилонскую башню построить.

— А мы не сами,— хитро подмигнула левым глазом Кикимора.— Мы к нему детишек подошлём. Уж им-то наш Котик отказать не сможет. Кстати, Леший, твоя новая пассия, кажись, в детском доме работает?

— Вроде да.

— Вот. Поговори с ней. Пусть она организует своих короедиков.

— Да нет,— заартачился Дядь-Лёшка.— Я это... Я как раз с ней расстаться собирался... Может, ты сама поговоришь, а?

— Ладно, поговорю, корона не упадёт.

— Вот и славно,— Серпансион Эверестович удовлетворённо шлёпнул себя по лысине.— Решение принято. Приступаем к выполнению.

Глава 18

На просторах Азии

Для нашего удобства, ну и чтоб нам с Карлом Иваннычем не околеть, летя над землёй со скоростью ветра, вместо традиционной открытой двуколки Вася подогнал нам высокие сани, покрытые мехом. Кроме того, выдал огромный, просто безразмерный медвежий тулуп. Интересно, где он это всё

нарыл? У меня даже появилось такое подозрение: а не из Сибири ли родом наш гостеприимный, душевно отзывчивый Василий?

Спросить я, конечно, постеснялась. А надо было!

Впрочем, мы с Карлушей очень спешили, не до лишних разговоров было. Я, кряхтя и охая, влезла в сани. Ворон уселся ко мне на колени. Эол хлопнул в ладоши, зычно крикнул:

— Пшли!

Кони рванули с места. И вот уже земля пропала из виду. Мы летим выше туч. Яркое, незамутнённое солнце слепит глаза. А ледяной воздух заоблачных высот застывает в лёгких.

Вначале мы полетели в Монголию.

И чуть не заблудились среди бескрайних гор и степей. И хоть бы одна живая душа, чтоб дорогу спросить!

Наконец видим—огромная отара пасётся. Пастух—крепкий седобородый старик на лошади, в лисьей шапке. Я к нему:

— Не подскажите, уважаемый, где нам тутошнего Деда Мороза найти?

— Увлин Увгуна?

— Возможно. Так где?

— А вам он зачем?

Я рассказала всё как есть, без утайки.

Старик языком зацокал, головой закачал:

— Ай, ай, ай! Не выйдет ничего. Не с руки сейчас пастуху в игры играть. Ему отару пасти надо. На кого он своих овец оставит? Помощница его, Зазан Охин, отпросилась на неделю домой съездить, отца с матерью проведать. А внук, Шинэ Жил, в школе-интернате, знания приобретает, без них нынче нельзя. Пастух совсем один остался. Потому— никак не может. Совсем никак.

— Так ты, однако, и есть этот самый... э-э... Увлин Увгун?— догадался ворон.

— Возможно, однако. Только какая разница, если помощи всё равно не будет?

— Никакой разницы,— согласились мы.

И полетели дальше.

— Куда теперь? В Китай?

— В Китай.

Дон Чен Лао Рен ехал как раз верхом на ослике, в ярко-красном шёлковом халате, в высокой шапке с фонариками и колокольчиками. Увидев нас, он спешился, широко, очень широко улыбнулся, прижав руки к груди, поклонился. Я тоже поклонилась. Вежливо так, с почтением.

— Сыграем в го?— гостеприимно предложил Дон Чен.

— О нет,— скромно отказалась я, ибо понятия не имела, что это такое.

— Тогда в домино?

— Спасибо, спасибо, в другой раз.

— Айкидо? Ушу? Хэйхуцюань?

Ага, именно этого мне для полного счастья и не хватало. Мотаю головой, развожу руками.

— Тогда— вместе почитаем Конфуция!— радуется Лао Рен.

— О нет,— взмолилась я.— Простите, но у нас очень мало времени. Мы к вам по крайне важному делу. Тут такая проблема...

Выслушав меня внимательно, китайский бог Нового года сказал:

— Чтобы заменить вашего Деда Мороза, нужно, чтобы кто-то был. И нужно также, чтобы этот кто-то мог заменить вашего Деда Мороза. Иначе никак!

— Это мне понятно,— говорю я.— Мне не понятно: вы согласны нам помочь?

— Помочь— это всегда пожалуйста. Но дело в том, что у нас в Китае первого января тоже случается праздник. Правда, не такой большой, как весной. Но тем не менее. Так что...

Китаец опять широко улыбнулся, поклонился.

Я тоже поклонилась. А куда деваться— этикет.

И мы полетели дальше.

— Теперь— в Индию,— предложила я, вспомнив душещипательные ленты Болливуда.

В дни моей молодости индийское кино было крайне популярно. Я до сих пор будто вижу красочные пейзажи долины Ганга, слышу голос Латы Мангешкар. Песни, танцы. Сказка, одним словом. Всё такое родное, привычное.

Карлуша возражать не стал. И мы полетели. Но, видимо, сбились с курса. Сильно сбились. Потому что вместо полуострова Индостан попали почему-то на Японские острова.

— Слушай,— говорит Карлуша,— а ведь японцы справляют Новый год, как все белые люди, первого января. На фига мы сюда припёрлись?

— Ах ты ж...— говорю я.— Ну ладно, коль скоро мы припёрлись, давай тутошнего Деда Мороза попытаем на предмет: а вдруг ему чего-нибудь про нашего старика известно? Чем чёрт не шутит? — Чёрт— он такой,— не стал спорить ворон.— От него всего можно ожидать.

Сегацу-сан, японский Дедушка Мороз, оказался добрым молодцем в самом расцвете сил. В небесно-голубом кимоно, красивый, мускулистый, подтянутый, он сидел на коврике и медитировал, обратив лицо в сторону высокой заснеженной горы.

— Какая красивая гора!— сказала я, чтобы вывести мужчину из транса и привлечь внимание.

— Яма!— закивал он.— Фудзи-яма.

И вернулся в нирвану.

«Не так-то просто,— подумала я,— найти общий язык с человеком, который гору называет ямой».

Индию мы всё-таки с Божьей помощью отыскали.

Там, как выяснилось, обязанности Деда Мороза исполняет Лакшми. Женщина невероятной красоты. Богиня счастья и процветания.

Когда мы увидели её— она стояла на огромном лотосе. Точнее, не стояла, а танцевала.

— У вас ко мне какое-то дело, странники?— спросила она нежным голосом.

И перестала танцевать.

— Мы хотели бы просить вас, о величайшая из богинь, снизить до нашей смиренной просьбы. Будьте в этот Новый год нашим Дедом Морозом!

Лакшми задумалась.

— А это где?

— В России.

— Ох, я люблю Россию,— вздохнула богиня.— Но только не зимой. Русские морозы... о, они убьют меня. Мне очень жаль... Очень-очень...

В общем, очередной облом. Летим дальше.

В Камбоджу тоже зря слетали. Там вместо Деда Мороза— Дед Жара. Это уж точно не для нашего климата...

Зато вьетнамский дух Нового года встретил нас как родных.

— Тао Куэн,— представился он, низко поклонившись и прижимая руку к сердцу.

Мы вкратце рассказали ему о своём горе.

— Ай-ай-ай,— проникся сочувствием старикан.— Ну конечно же, я помогу. Я приду в каждый дом, узнаю про все хорошие и плохие ваши дела за этот год, запишу в особую тетрадку. А потом сяду верхом на дракона и полечу к Небесному Владыке, чтобы доложить ему про всех всё-всё-всё...

А я подумала: «Терпеть не могу ябед и донощиков. Нет, нам это точно не подойдёт. Не тот у нас менталитет, однако».

— Знаете что, уважаемый господин Тао Кун,— выпалила я первое, что пришло мне в голову.— Я только что вспомнила одну важную вещь. Вспомнила, что Дед Мороз оставил мне записку, а я по рассеянности её так и не прочитала. Наверняка там он пишет, где его искать! Так что мы, с вашего позволения, быстро-быстро полетим домой!

— Быстро-быстро— это хорошо,— обрадовался вьетнамский новогодний дух.

Похоже, и ему не очень-то хотелось лететь на своём драконе в заснеженную Россию.

Мы радостно раскланялись, попрощались. И отправились в обратный путь. На Родину.

— Про записку— это правда?— спросил ворон, когда мы пересекли границу.

— Конечно, нет,— ответила я.

— А вдруг дед уже нашёлся?— с надеждой в голосе предположил он.

Я только вздохнула:

— А вдруг...

Внизу уже расстились родные российские снежные поля.

Глава 19

Кот Баюн

— Никого не трогаю, не шалю, починаю прикус,— заученной скороговоркой пожаловался Кот.— И оставьте меня все в покое, пожалуйста!

Детишки, шумной стайкой ввалившиеся в помещение, на секунду было смутились, замолчали. Самый старший из них кашлянул в кулачок и отважно выпалил:

— Здравствуйте, дорогой, уважаемый господин... дяденька... э...

Мальчик запнулся: имя этого огромного зверя, похожего скорей на грозного тигра или пантеру, но только не на ласкового домашнего мурлыку, вылетело вдруг из головы.

— Сегодня можете называть меня просто, без церемоний: Бегемотик. Сегодня я добрый,— великодушно разрешил Кот Баюн, который уже решил, что нынче на новогоднем карнавале он будет котом Бегемотом.

А, собственно, почему бы и нет?

Понятливые дети дружно закивали головами и затараторили наперебой:

— Дяденька Бегемотик...

— У нас Дед Мороз куда-то подевался...

— Пропал дедушка...

— Вы не могли бы...

— могли бы нам помочь?..

— Мы вас очень просим...

— Очень-очень!

Кот заткнул уши лапами:

— Да что же такое творится в мире! Ни одной тебе минуты душевного покоя и равновесия! Просто буквально некогда вздохнуть, выдохнуть и привести в исправность кухонную утварь!

И сделал вид, что рассердился. В действительности же ему ужасно нравилось, когда его просили.

Особенно вот так, шумно и многочисленно:

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Если вы нам не поможете, тогда кто?

— Никто!

— Только вы, дяденька... Бегемот!

— А я-то тут при чём?— Кот опять сделал вид, что собирается выгнать всю шумную ораву за дверь.— Какой такой помощи вы ждёте от одинокого, всеми забытого существа?

Дети загалдели так, что вообще ничего невозможно стало разобрать, кроме единственного повторяющегося слова «Дедушка Мороз, Дедушка Мороз».

— Цыц!— рявкнул Кот Баюн.— Ну и где, по-вашему, я его вам возьму этого... вашего, как вы там его называете...

— Дедушку Мороза!— дружно подсказали дети.

— Сразу заявляю: лично я о месте его теперешнего пребывания не имею ни малейшего представления.

Почесался и добавил:

— Проще говоря— не стану я его искать!

А про себя подумал: загулял, видать, старый перец, решил откосить от исполнения служебных обязанностей. Ну и правильно: себя нужно любить больше, чем работу!

— Нет, нет, нет!— опять загалдели дети.— Мы хотим, чтобы— вы!

— Что я?— не понял Кот.

— Чтобы вы были вместо Дедушки Мороза!

Здрасьте, приехали. Мало было по цепи ходить, народ потешать. В смысле— песни петь и сказки разговаривать...

— Я не ослышался? Вместо кого?— глаза Кота, и без того огромные, стали, кажется, в два раза больше его же собственной морды (а морда эта никогда не была маленькой!).

— Вместо Дедушки Мороза!— ласково глядя на него снизу вверх, пискнул самый мелкий дитёнок (кажется, это была девочка), в красной шубке и такой же красной шапочке с заячьими ушами на макушке.— Вы ведь такой хороший, такой добрый!

Кто бы сомневался!

— Нет, я, конечно, понимаю, что дети— цветы жизни,— сказал Кот Баюн.— Да только для цветов нынче не сезон: снег на дворе.

— Это потому что скоро Новый год,— пояснил самый старший.— А вам всего-то и надо— прийти к нам на ёлку. Надеть колпак и бороду. Взять мешок с подарками.

— Мешок с подарками— это хорошо,— одобрил Кот, постепенно склоняясь к тому, чтобы согласиться.— Что же касаемо бороды— то это, право, лишнее: коту борода— как корове седло. Вполне достаточно усов. Потому что кот— это почти что гусар!

— Мы согласны, согласны,— закивали дети.— Вы, дяденька, только шапочку наденьте и мешок возьмите!

Кот задумался всерьёз: а почему бы и нет? Приятно ведь, чёрт побери, когда тебя вот так просят! Ну приятно, и всё!

И опять же— подарком...

— Ладно,— сказал он.— Так и быть. Раз уж вы ко мне со всем почтением... А ведь вы— со всем почтением?

— Да, да!— торопливо и радостно загалдели дети.

— Я, можно сказать, согласен. Только сначала почесайте-ка мне за ухом. И спинку погладьте. И живот. Вот так, вот так. Я от этого добрым становлюсь. Ну просто таким добрым, таким добрым, что самому страшно! Мур-р...

— Дяденька Кот, дяденька Кот, а почему вы Бегемот?— это опять всё тот же самый мелкий дитёнок с заячьими ушами на макушке воспользовался его

добротой и пристаёт с дурацкими вопросами.— Потому что вы толстый, да? Или потому что вы раньше в Африке жили?

«Где я—и где Африка!»—без всяких эмоций подумал Кот Баюн, и даже не захотел обижаться на то, что его обозвали толстым. После всех почёсываний за ухом и поглаживаний живота он и вправду чувствовал себя почти таким же добрым, как сбжавший в неизвестном направлении новгородный дедушка.

— Дети мои,—сказал он ласково.— Да будет вам всем известно, что Бегемот—это не только большая чёрная толстокожая свинья, живущая в африканских болотах, но и (и это в первую очередь!) демон, большой, страшный и очень-очень злой! Я бы даже сказал: он почти такой же страшный, как Левиафан. Ну, или... хм... как я сам, когда рассержусь. Так понятно?

Дети отрицательно замотали головами:

— Нет...

— Не знаете, кто такой Левиафан?

— Не знаем...

— Темнота!—вздыхнул Кот.— Это такой ужасный морской зверь... такой... ну просто туши свет! Символ конца света, если по-простому.

И надо бы проще, да куда уж? Дети стояли, молчали, хлопали глазёнками виновато.

— Опять непонятно?

— Не-ет...

— Ну...

Баюн на секунду забылся, принял свой истинный апокалиптический вид. Дети замерли, перестали дышать.

— Нет, ну я не понял: это что за беспредел?—Кот опять сделался мягким и пушистым.— Кто-то обещал за ушком почесать! А за другим? Давайте, давайте! Нет, ну вы только гляньте, какой я добрый!.. Ладно, хватит уже на сегодня. Брысь все по домам. Там сидите. И ждите.

И добавил тихо, самому себе, задумчиво:

— А я пока к бабушке Ягвиге. Попробую разобраться, что к чему.

Глава 20

Тревога

Кот явился вдруг перед Бабой Ягой. В самой середине Избушки на курьих ножках.

— Фильдеперс, ты?—обрадовалась Ягвига Космовна.

— А то кто? Я, собственно, интересуюсь спросить: что за чертовщина у вас тут происходит?

— Не у «вас», а у «нас»,—сердито ответила старуха.— Причём у всех сразу. Форс-мажор у нас. Дед Мороз пропал. А до Нового года—считанные часы. Мы вот тут пытались было, только ничего не вышло... —Новости, однако. Так это, значит, никакой не прикол?

— Ага, такой прикол, что смеяться замучаешься.

И старуха принялась рассказывать подробно про то, как её разбудили сегодня ни свет ни заря. И как они с Карлом Ивановичем летали по всему миру в поисках пропажи. Сперва на Змее Горыныче, а потом уже на Эоловой квадриге.

— Значит, так и не нашли?—озаботился Кот Баюн.

— Значит—нет.

— В серебряное блюдечко смотреть не пробовала?

— А то я дурней тебя!—обиделась Баба Яга.— Пыталась. Только оно молчит, как партизан. В смысле, ничего не показывает.

— Дай я попробую.

— Возьми. Вон оно, на тумбочке стоит.

— Катись, катись, яблочко, да по серебряному блюдечку...—Кот осторожно тронул волшебный фрукт лапой.

Он качнулся, но катиться не стал.

— Странно. Что это с ним? Э, глянь-ка, да у твоего Наливного Яблочка дыра в боку, а из неё червяк торчит.

— Ой, беда, беда...—засуетилась Баба Яга.— Что делать-то?

— Ну, не знаю. Давай попробуем червяка отловить, а дырку заклеить чем-нибудь. Хоть хлебным мякишем. Полечим, так сказать...

Как ни странно, после такого лечения волшебная вещица ожила. Правда, не совсем. Видимость так и не появилась. Зато блюдечко вдруг заговорило человеческим голосом, как тарелка-репродуктор середины прошлого века:

— Тревога, тревога, тревога! Тьма, беспросветная Тьма наступает по всем фронтам. Это война!

— Ты ещё «Вставай страна огромная» спой,—сердито посоветовал Кот.— Что за чушь ты несёшь? Какая ещё война?

— И спою!—обиделась говорящая тарелка.— Над всем миром беда нависла, а вы тут... Эх...

И замолчала.

— Да что случилось-то, говори толком?—тихо запаниковала Баба Яга, понимая уже, что всё это—неспроста.

— Говорю же—беда! Дед Мороз не просто так пропал. Его место хочет занять Чернобог Карачун, в народе именуемый Кощею Бессмертным. И подарки он такие в этот мир несёт—никому мало не покажется.

— А куда Семаргл-то смотрит?—нервно спросил Кот Баюн.— Это его, между прочим, работа—защищать Явный Мир. Так же как я, например, защищаю Сказку.

— Да нет Семаргла, нет его!—чуть не плача, выкрикнуло блюдечко.— И куда делся—никто не знает! Беда! Я вам говорю, говорю, а вы будто глухие!

— Как нет?

— А вот так. Я больше скажу. До смерти Кощея сейчас не доберётся: Медведь спит, Волк ведёт себя

как шакал, а Огненного Сокола опоили какой-то гадостью. Он теперь своих не признаёт. А ещё—родник с живой водой запованен. И солнечным символом завладели тёмные силы. Вот такой расклад. И что с этим счастьем делать—одному богу известно, только я не знаю, какому именно...

Говорящая тарелка замолчала, послышался хрип и скрежет. Запахло дымом. Яблочко вдруг почернело, скукожилось, рассыпалось в труху. Налетел порыв ветра, сдул пыль с блюдечка. И осталось на нём одно-единственное семечко.

— Прибери-ка его, Кузьмовна, чует моё сердце—оно нам ещё понадобится,—сказал Кот.

— Ага,—старуха послушно взяла семечко, завернула в чистый носовой платок, спрятала в карман.—Только что нам делать-то? Как бороться с этой напастью?

— Что делать, что делать!—Кот Баюн и сам занервничал.—Я думаю, самое время звать Её Саму.

— Софью Ивановну?

— Да. Вместе с дочками. И к ведьмаку всем надо. Срочно собираем чрезвычайный совет. Пусть-ка твой ворон немедля оповестит Хозяйку Сказки. Где он, кстати?

— Сейчас позову,—пообещала Баба Яга, накинула зипун и вышла за дверь.

Глава 21

Чрезвычайный совет

Собрались на капище. Хозяйка Сказки Софья Ивановна. Её дочки: Вера, Надежда, Любовь. Стар-карачур Велесадар, совсем ещё молодой ведьмак, стройный бородатый красавец. Кот Баюн во всей своей красе: лохматый, огромный, усищи торчат, из зелёных глаз искры во все стороны. Ворон говорящий, Карлуша. Ну и Баба Яга тоже тут, конечно.

— Значит, так,—сказала Софья Ивановна.—Без помощи волшебного блюдечка Деда Мороза нам не найти. Так что тебе, Космовна, задача—вырастить новое Наливное Яблочко.

— Ох,—опешила Баба Яга.—Разве я сумею?

— Надо постараться. Сейчас ведьмак разожжёт священные костры и станет волховать. А когда закончит ритуал—на месте одного из костров закопаешь семечко от погибшего яблочка, польёшь живой водой... Кстати, о воде. Девочки, ваша задача—расчистить волшебный источник и набрать полных три бутылки.

Хозяйка Сказки хлопнула трижды в ладоши. И в руках у каждой из её дочерей образовалось по хрустальному сосуду с большой деревянной пробкой, на которой красовался нарисованный золотой краской солярный знак.

— Чёрт,—не выдержала, ругнулась женщина.—Испоганили руну Солнца. Придётся менять символу. Прости нас, Создатель, светоносный Ра,

за то, что не сберегли мы твой завет, отдали символ Света в руки Тьмы Тьмущей.

Софья Ивановна махнула рукой, свастики исчезли. Вместо этого на первом сосуде заалела пентаграмма—пятиконечная звезда, на двух других проступили буквы «Z» и «V»—знаки силы и уверенности в победе.

— Да будет так,—сказала Софья Ивановна.—Да хранят нас старые и новые боги!

И добавила:

— Ну всё, у каждого теперь есть задача, которую необходимо выполнить как можно быстрее. А я попробую замедлить ход времени. Нам нужно успеть до боя Курантов.

Обернулась птицей Гамаюн, тяжело взмахнула крыльями и исчезла в облаках.

Глава 22

Обо всём понемногу

Старик, высокий, сухопарый, седой, глаза—как два провала в бездну, на левом запястье большая родинка (или шрам?) в форме серпа. Молча возится с часами. Их у него много. Очень много. И он это своё богатство чинит, заводит, опять чинит и опять заводит... Что происходит в Явном Мире, его интересует постольку-поскольку.

Это Часовщик. Кто он такой? Очевидно, сам Кащей. Смотрит на белый свет, на подлунный солнечный мир и скучает. Возится со своими часиками. Играет с тысячелетиями. А что ему ещё делать в скучной монотонной вечности?

Да, прошу не путать Кащея с Кощеём, Сдыхликом Неумиручим, мелким пакостником, главная жизненная цель которого—вредить роду человеческому. (Хотя, если подумать, по земным масштабам не такой уж он и мелкий пакостник.)

А вот Кащей—сын самого Ка, или Ха, Великого Хаоса. Брат Бесконечной Тьмы, где Тьма—это не отсутствие света, но—Множество и Смешение. Смешение Времени и Пространства. И Множество, числа которому нет, потому что не может быть в принципе.

Птица Гамаюн возникла будто из воздуха:

— Приветствую тебя, Владыка!

— Софьюшка, ты?—старик будто очнулся от забытья и даже улыбнулся.—За какой такой нуждой в мои палестины?

— За помощью. Придержи время. Помоги, если можешь.

— Да мочь-то я могу, а только для того, чтобы нарушить Ход Времени, нужна серьёзная причина.— Беда у нас...

— Ну хорошо,—сказал Часовщик, выслушав Хозяйку Сказки.—Ситуация и вправду чрезвычайная. Есть у меня в запасе несколько сотен минут.

Но это только до полуночи. До конца уходящего года. Дальше — сама понимаешь...

— Мы успеем, спасибо, Повелитель, — горячо поблагодарила Софья Ивановна и поклонилась старику низко, в пояс.

Николай Иванович битый час не может найти себе места. Михаил... Мишаня... Он обещал прийти сегодня к обеду. И вот до сих пор не пришёл.

Казалось бы: ну чего так уж волноваться-то? Он человек военный, мало ли? А на душе кошки скребут. Непокойно.

Старик походил из угла в угол, потом решил: «Пойду-ка я на улицу, там подожду».

Кряхтя, натянул тулуп, шапку. Вышел за калитку. Направо поглядел, налево. Ни души.

И вдруг услышал под лавочкой, на которую присел, какое-то шевеление. И жалобное поскуливание. Заглянул. Видит — щенок-подросток, весь облезлый, худой, в чём только душа держится. — А ты как тут? — ахнул старик. — Что, выбросили? В такой мороз! Вот ведь... Ну иди сюда, иди, не бойся.

Вытянул животное из-под скамьи, понёс в дом.

Первым делом плеснул в Шарикову миску (правильно, что не выбросил, сохранил!) горохового супа.

— На-ко вот, поешь. Ох, да на тебе живого места нет. Помыть бы тебя да мазью какой намазать. Ладно, потерпи немного. Скоро сестричка патронажная придёт. Она добрая. Она непременно поможет... Ты чего не ешь-то? Невкусно? Да ты весь дрожишь! Ступай-ка, друг, ко мне за пазуху. Там тепло. Бедняжка. Ох, и кто же тебя так?

Ворча и причитая, старик затащил щенка на кровать, расстегнул свой стёганный жакет:

— Иди, иди, не бойся. Сейчас согреешься.

Пёсик занырнул головой под мышку, сжался весь, притих, постепенно переставая дрожать.

Старик тоже успокоился, осторожно, чтобы не разбудить зверёныша, прилёг, продолжая согревать щенка своим теплом.

И незаметно заснул.

Верочка, Любочка и Надюшка между тем так же, как их мать, превратились в птиц (Сирин, Финист и Алконост) и улетели.

Да, непростая им досталась задачка. Животворящий источник был завален камнями и упавшими стволами деревьев, засыпан нечистотами. Девчонки трудились упорно, разбирая завалы, вытаскивая тяжеленные булыжники, выгребая голыми руками мусор и грязь...

Тем временем у четырёх огромных костров, горящих на капище, колдовал Велесадар.

Он метался в центре площадки, окружённый пламенем со всех сторон, что-то шептал или

выкрикивал непонятные звуки. То опускался на колени, касался земли губами. То распрямлялся и вскидывал ладони к небесам.

Но вот из-за горизонта выкатилось огненное колесо. Размером примерно с луну. Бабе Яге даже в первую секунду показалось, что это и есть луна. Только какая-то сумасшедшая: сам диск — чёрный, а по окружности — будто солнечная корона, какой её на картинках рисуют.

Ещё это удивительное небесное явление отдалённо походило на огненный обруч, через который в цирке прыгают дрессированные львы и тигры. Только языки пламени не металась беспорядочно, а как бы тянулись вперёд. По ходу вращения колеса. Именно вперёд, а не наоборот, что было бы более логично: ведь огонь при движении естественным образом отклоняется назад. А тут... Странно, одним словом.

Само колесо вращалось по часовой стрелке, то есть посолонь. И кагилось оно слева направо.

Очевидно, это было добрым знаком. Потому что Велесадар вскинул руки к небесам и прокричал: — Благодарю вас, великие боги!

Вернулись дочери Софьи Ивановны с живой водой.

Разгорячённый ведьмак, обнажённый по пояс, вышел из огненного круга, взял одну из бутылей, жадно отпил четыре глотка. Глаза его загорелись уверенностью и силой. У него будто выросли крылья. Он трижды, как вихрь, облетел первый из костров, выкрикивая что-то гортанное, нечленораздельное, похожее на завывание вьюги или грохот обвала в горах.

Наконец он остановился, плеснул живой воды в пылающий огонь, прошептал:

— Мать Сыра Земля, приди на помощь детям своим!

Костёр тут же исчез, будто провалился. Лишь чёрное кострище дымилось теперь на месте, где только что плясало пламя.

— Ты услышала меня, Великая Мать! — крикнул ведьмак.

И упал ниц.

Тут же он вскочил, начал кружение около второго костра. Обежав три круга, Велесадар опять плеснул живой воды в огонь и, повторяя:

— Великий Велес! Великий Велес! Великий Велес! — опустил на колени.

Пламя вдруг сделалось густо-красным, почти бурым, послышалось грозное утробное рычание разбуженного Медведя.

Колдун встал на ноги, вытянул руки ладонями к огню:

— Ты услышал меня, Хранитель Жизни!

Пламя костра рассыпалось на мириады искр, унеслось во тьму лесной чащи.

Проплясав у третьего костра и плеснув в него живой воды, Велесадар вскинул руки к зениту. Прокричал:

— К тебе взываю, грозный Перун-Громовержец!
Пламя сделалось нестерпимо белым, ослепительным, как вспышка молнии, грянул гром.
— Ты услышал меня, Бог-Воин! Слава тебе во веки веков!
Костёр превратился в огненный смерч, поднялся в небо и там исчез. Или превратился в звезду?

Проснулся Николай Иванович от яркого света и обжигающего жара. Даже глаза страшно было открывать. В голове пронеслось только: «Ох, горим, однако... Куда ж я теперь, а?»

Глаза он всё-таки открыл. И увидел перед собой Крылатого Огненного Пса. Огромного, в ореоле пламени и спящего света. Именно таким Николай Иванович и представлял себе Семаргла, про которого ему Михаил недавно рассказывал.
— Жуть, — сказал старик почти без страха, а скорей с восхищением.

— Дед Коля, не бойся. Это я, Михаил.
— Мишаня? — ахнул старик. — Так, значит, ты и есть тот самый Охранник и Защитник? Или я всё ещё сплю?
— Я и есть, — не стал отнекиваться Семаргл. — Спасибо тебе, дедунь. Спас ведь ты меня. Вот так. Ни больше не меньше.

— Не понял.
— А тот щенок. Облезлый, паршивый. Забыл?
— Так это, что ли, ты был?

— Ага.
— Ну дела, однако. И кто ж с тобой такое содеял?
— Да есть тут один. Деятель. Ох, я ему и... В общем, извини, дедунь, мне пора. На разборки. Спасибо тебе ещё раз и низкий поклон. Ты ведь не только мне помог. Ты, может быть, всё человечество спас, избавил от большой беды.

— Ну да?! — удивился дед. — Вот это я молодец.
— Ещё какой! Ну, прощай, что ли. Или до встречи?
— До встречи, до встречи, — категорически закивал Николай Иванович. — Я буду ждать. Очень буду.
— Замётано!

Из четвёртого костра взлетел Огненный Пёс. И опустился на снег. Сразу под ногами у него образовалась проталина. А сам Великий Страж принял вид грозного воина: шлем, кольчуга, пылающий меч... Всё как положено.

Вернулась птица Гамаюн, превратилась в красивую стройную женщину, в Софью Ивановну.
— Владыка Времени согласился нам помочь. Теперь вся надежда на тебя, Семаргл. Тебе лететь и добывать Кощееву смерть. Но имей в виду: на острове Буяне сейчас такое творится...

И она пересказала всё по порядку: и про спящего Медведя, и про продавшегося вражьей силе Волка, и про Сокола, которого опоили ядом Карого Змия.

— Говорят, он своих не узнаёт, — вздохнула Хозяйка Сказки. — Беда, беда...

— Да неужто Рарог против меня пойдёт, против своего родного брата? — не поверил Семаргл. — Мы же с ним не просто братья. Нас испокон веку считают единым целым.
— Всё так... — не стала спорить Софья Ивановна. — Но только жизнь порой такие сюрпризы подносит...

Семаргл улетел. Вместе с Хозяйкой Сказки и её дочками. На остров Буян. Добывать смерть Кощееву.

И ворон, Карл Иванович, тоже вслед за всеми. На всякий случай. Он, как выяснилось, — родной брат Софьи Ивановны. Для Баба Яги это было новостью.

Ведьмак Велесадар после волхования сильно притомился, уснул. Сморило добра молодца. Прямо на земле. Упал в том месте, где снег от сильного жара стаял. И отключился.

Ягвиг Космовна сходила в дом стар-карачура, принесла овчинный тулуп, укрыла сердешного: пусть поспит. Лишь бы не простыл, не захворал, упаси Боже.

— Ну что, Фильдеперсушка, пора и нам за работу? Ты мне с ямкой не поможешь, а? У тебя, я знаю, это ловко получается.

— Так и быть, — снизошёл Кот Баюн.
Выкопали лунку на месте первого кострища, посадили в неё семечко от Наливного Яблочка, зарыли, вылили сверху всю живую воду из второй бутылки. И стали ждать.

— Филя, как ты думаешь, что там сейчас происходит? — не выдержала Баба Яга. — Наши победят?
— Победят, — уверенно мявкнул Кот. — Но только это...

— Что? — забеспокоилась старуха. — Есть сомнения?

— Да не то чтобы... Чтой-то беспокойно на душе. Отправлюсь-ка я на помощь. Чую, без меня им не справиться.

— А я?
— Твоё дело — яблочко растить. Как мы без него Деда Мороза найдём?

— Ну да... — не стала спорить Ягвиг Космовна.
Кот телепортировался. А Баба Яга осталась дожидаться всходов. Ну и добрых вестей тоже. Потому как дурных вестей — шибко ж не хочется!
Вестям пока взяться было неоткуда. А вот почва вскоре зашевелилась, показался росток.

Глава 23

Битва. Рассказ Фильдеперса

Уж ты гой еси, люд честной, православный, что Небесную Правь — славит, Земною Явью — живёт, Глубинную Навь — чтит и трепещет! Исполать!

Да, были, были дела—ох, ни в сказке сказать, ни пером описать. Битва битв. Великое противостояние.

Стоят друг против друга два добрых молодца. Можно сказать—единое целое. Одно лицо, одна богатырская стать. Будто в зеркало сами на себя смотрят.

Одно различие: Семаргл—в красно-белом одеянии, меч в руке—огненный. За спиной у него мы все. Конечно же, ворон: без него какая битва? Сестра его, София-Мудрость. Дочери её Вера, Любовь и Надежда. Ну и я, скромный котик, ваш покорный слуга.

А Рарог—тот чёрно-коричневый с головы до пят, с обоюдоострым золотым палашом и взором, полным лютой ненависти. Да, вот таким он стал после того, как испил яда Карого Змия, ибо вселился в него в результате сего пития Карый Бес.

Ох, скажу я вам, нет в мире страшнее врага, чем обманутый друг!

За спиной у Чёрного Сокола—тень Кошечья. Огромная, весь горизонт застит. Ну и мелких прихлебателей толпа—визжат, плюются, зубы скалят, радуются: вон как нас много против вас!

Говорит Семаргл Рарогу печальным голосом:— Опомнись, братишка!— Я тебе не брат!— злобно кричит в ответ Рарог.— И вообще— не родня! Ты—шелудивый пёс, а я... Я—Сокол!

— Эх куда тебя занесло!— скорбит Великий Страж.— А куда это меня, прощенья просим, занесло?— Да чего ж ты на сторону Тёмных Сил перекинулся?— Я?— вопит Сокол.— А ты ничего не попутал? Смотри: у меня— Знак Солнца!

И показывает брату своему повязку со свастикикой на левом предплечье.

Горько стало Семарглу. Прикусил он нижнюю губу, прикрыл глаза, покачал головой удручённо. Потом молвил:

— Можно нарисовать солярный знак на заднице самого чёрта, но Солнце и после этого не престанет быть источником жизни, а чёрт—прихвостнем Тьмы Тьмущей.

Услышав такие речи, Рарог пришёл в бешенство:— Что, очень умный, да? А вот я тебе сейчас ума-то поубавлю!

И начался бой. Да такой жаркий, что снег на пять вёрст в округе потаял, будто и не зима вовсе.

Рарог золотым палашом машет, скачет, подпрыгивает, непотребными словами ругается, обидными обзывательствами обзывается, думает таким образом противника своего сломить, лишить моральных сил и мужества.

Семаргл твёрдо на земле стоит, Мать Сыра Земля ему сил прибавляет, храбрости придаёт. Но не хочет он брата ранить огненным мечом, не хочет ему увечье причинить.

А Рарог прыгает, скачет, сам себя заводит, зубы скалит, кричит-приговаривает:

— Скачу, скачу, головой верчу, на тебя рычу: р-р-р!

Страшно стало Семарглу: «А не сошёл ли с ума мой бедный братец?» И сам же себе отвечает: «Сошёл, однако. Ох, беда, беда...»

И говорит он Рарогу:

— Опомнись, братишка! Нельзя нам друг друга ненавидеть, друг против друга воевать. Если мы друг друга побьём—Тёмные Силы возрадуются, разгуляются, уничтожат Землю-Матушку!

— Я тебе не брат, не брат!— кричит Рарог.— Я—вольный Сокол, а ты—цепной Пёс! Запомни это, запомни и детям своим передай!

Пуще прежнего опечалился Великий Страж. От великой скорби опустилась его голова ниже плеч, слеза по щеке покатилась.

Обрадовалась тень Кошечьева. Завизжали, возликовали его верные прихвостни:

— Ату его, ату!

Но тут подлетел к Семарглу наш ворон, Карл Иванович, брызнул в лицо ему живой воды. Очнулся добрый молодец, встряхнулся, вздохнул полной грудью, потом выдохнул:

— Видят боги, не супротив тебя я иду, брат, но против того Беса, что в тебе застрял!

И опять ударились добры молодцы мечами. И продолжилась жестокая битва.

Скоро сказка сказывается, да нелегко победа даётся. Сражаются добры молодцы. Тень чёрная на горизонте всё обширнее, всё гуще. Прихлебатели Кошечевы всё громче визжат и плюются: шибко не хотят они, чтоб Луч Правды в руках у Семаргла оказался. Подзуживают Рарога:

— Бей, бей, не жалей! У тебя получится! Ты—лучший, ты воин Света, у тебя на рукаве—знак Солнца, свастика. Весь мир с тобой!

Совсем одурел Рарог от таких слов.

— Эй, ты, пёс паршивый,— кричит он брату своему.— Выродок, позор человечества! Ты, убогий, понятия не имеешь, что значит вольно летать по небу! А я вот сейчас поднимусь к вершине Мирового Дуба, достану Янтарное яйцо, рубану по нему своим золотым палашом. И что ты мне сделаешь?

Он и вправду перекинулся в птицу и взмыл ввысь.

Тогда и Семаргл принял свой крылатый облик и устремился вдогонку.

Поднялся Крылатый Пёс выше Сокола. Раскинул свои огромные крылья так широко, что заслонил всё небесное пространство. Как ни метался, как ни пытался Рарог прорваться сквозь пламя, но не вышло у него ничего.

И стал Семаргл прижимать Чёрного Сокола к земле. Пока не рухнул тот камнем в прошлогоднюю траву.

Тут девчонки наши, Верунька, Любочка и Надюшка, и повязали его пеньковыми верёвками.

На всякий случай. Дабы он ни нам, ни себе не навредил сгоряча.

Зло и нецензурно ругался поначалу связанный пленник. Плевался, выл, скрежетал зубами и слал проклятия на наши головы. Это Бес, что в него вселился, никак не мог уговориться. Пришлось Софье Ивановне отшлёпать добра молодца по щекам, а потом приснуть ему в лицо живой воды. Взыл Карый Бес, заверещал. Наконец выскочил вон и кинулся бежать со скоростью звука, пока не исчез из виду. Только крикнул на прощанье: — Ну погодите! Я вам это припомню!

— Запиши, чтоб не забыть, — посоветовала ему Софья Ивановна. — Бумажку дать, или у самого припасено на всякий случай?

Роуг сразу весь обмяк, носом захлюпал, глаза закрыл... да и уснул.

Но главная битва ещё не была окончена. Тень Кошья всё так же застила горизонт. И уничтожить супостата мог только луч из того самого Третьего, Янтарного, яйца Курочки Рябы

А дальше было всё как в сказке. Сказку эту все с детства знают, так что не стану сильно повторяться.

Прежде всего нужно было опустить на землю Заповедный Сундук. Это мог сделать только Медведь. Но он спал в своей берлоге безмятежным сном.

И тут на помощь к нам пришёл сам Велес. Он вышел из-за ближайшего дерева. Седой старик с посохом. Поклонился нам приветливо, молвил: — Многая лет всем! Что, не можете разбудить Ведмедя?

— Не можем, — дружно вздохнули мы все.
— А дайте я попробую!

Он вошёл в берлогу. Оттуда послышалось урчанье. И через минуту на свет Божий выбрался огромный, как гора, зверь. Куда делся Велес — этого я, честно скажу, не понял. Может, он в Медведя вселился для пущей надёжности? Но это уже было не суть важно. Главное — проснулся — таки Хозяин.

Медведь подошёл к Дубу, осторожно тряхнул его. И упал на землю Сундук Серебряный. Крышка открылась. Выскочил из сундука Заяц. Рыжий, огромный, как антилопа. Морда ехидная. Развернулся, вдарил задними лапами Волка по морде и ускакал.

Волку бы его схватить сразу, а только зверь наш, гляжу, сам хуже зайца: дрожит, боится, что его Кошечевы слуги кормить перестанут и намордник наденут.

Разгневался тут грозный Перун, шибанул с неба своей молнией, Волку аж весь хвост опалило. Почуял Серый, что жареным запахло. Кинулся ловить Косого. Поймал — таки.

Вопрошает его Великий Страж:

— Где утка?

А Заяц в ответ:

— Пёс её знает.

— Да не знаю я, — сердится Семаргл. — Знал бы — не спрашивал.

— Тогда в сундуке пошукай. Там вроде как двойное дно было.

Заглянули в сундук: а ведь точно, так и есть. Оторвали доски. Глядь — а там шкатулка из папье-маше в виде утки. Вся ярко размалёванная, красивая такая. Внутри яйцо.

Вынули, посмотрели: а яйцо — то фальшивое! Нет в нём Луча Правды.

— Видать, потому и утка! — догадался Семаргл.

И встал тут вопрос: а где же настоящее?

Хорошо, я в этих делах дока. Объяснил ситуацию:

— На дне оно. На морском, как и положено. В смысле — куда положили, там и лежит.

— И что теперь?

Это кто-то из наших девчонок спросил. А я ответил.

— Есть, — говорю, — у меня знакомый Водяной. Музыку любит — как мать родную! Он за песню душу отдаст, да ещё и приплатит. Вот я сейчас...

И стал я играть на гусях (они, волшебные, всегда при мне). Да так хорошо я заиграл, что и пяти минут не прошло — вынырнул из моря Водяной, говорит:

— Ох, потешил ты меня, пролил бальзам на больную душу. Теперь проси чего хошь.

Я и попросил.

— Добудь, — говорю, — мне со дна моря Янтарное яйцо Света.

— Эт можно, — закивал царь морской. — Чичас я миглом народ свой организую, они тебе в пять секунд всё отыщут.

И точно. Отыскали. Правда, пяти секунд им не хватило. Но, как бы там ни было, вскорости вынырнула из моря щука, а в зубах у неё... Правильно, то самое яйцо. Янтарное. В котором Луч Правды.

Тут уж Семаргл схватил яйцо, поднял его высоко над головой, крикнул богатырским покриком:

— Ну всё, силища поганая, пришёл тебе полный абзац!

Или что-то в этом роде. Дословно я не вспомню уже, прошу прощения. Не это важно. А важно то, что сверкнул нестерпимо яркий свет, закачалась тень Кошечева, затрепыхалась, заохала да и расплылась в воздухе, будто её и не было.

А мелкие прихлебатели все тут же дружно завилыли хвостами, заголосили:

— Простите нас, мы не виноваты, нас заставили. Обманули. Запугали. А так мы в глубине души хорошие и завсегда были на вашей стороне, только сказать стеснялись. И всё мечтали, и всё молились за победу вашу.

Вот так, ни больше ни меньше.

Плюнул в сердцах добрый молодец Самаргл, сказал им:

— Брысь с глаз моих! Видеть вас противно.

А сам пошёл к брату своему, Соколу.

Рога между тем в себя стал приходить. Не быстро. Медленно. Ибо страшен яд Карого Змия. Но Софья Ивановна дала ему выпить живой воды, полегчало парню.

— Вы приглядите за братишкой!— попросил Огненный Пёс.— А мне пора. Нужно спешно разыскать те Кошечевы подарки, что успели просыпаться в наш мир: смертельные болезни, ненависть, ложь и злоба... Надо торопиться, пока это всё не прошло, не укоренилось. Ох, много же предстоит работы мне. И брату моему, Рарогу, как поправится.

Взмахнул крыльями и улетел.

Вот так закончилась Великая Битва.

А я, скромный Котик Баюн, всему этому был живым свидетелем, в чём готов поклясться, побожиться и присягнуть на Алатырь-камне.

Глава 24

Нашлась потеря

Но наша история на этом не закончилась.

Баба Яга сидела на чурочке, поджав ноги, уткнувшись лицом в ладони и повторяя, как молитву: «Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо...»

Время от времени она открывала глаза и глядела на медленно поднимающийся из тёплой земли росток.

И как-то незаметно для себя прикемарилась. В этом нет ничего удивительно, если вспомнить все события этого дня. Словом, притомилась старушка.

Проснулась она от шума крыльев. Вернулся ворон, Карл Иванович. Каркнул вопросительно:— Как успехи?

— А? Что?— обалдела спросонок Ягвита Космовна.— Какие успехи?

— Что у нас с яблочком, спрашиваю?

Баба Яга сразу всё вспомнила.

— Да вот...

В ярком свете луны зеленела яблонька. А на ней сияло и мерцало единственное яблоко.

Откуда-то взялся Кот Баюн с Серебряным Блюдечком.

— Ну что, испробуем технику? Давай сюда своё наливное-волшебное! Катись, катись, яблочко, да по серебряному блюдечку...

— Ловко у тебя получается.

— Не мешай.

Парнишка лет четырнадцати, в белой синтепоновой куртке, с большой деревянной лопатой в руках, сгребал снег посреди двора.

— Это ты снеговика сломал? Он тебе мешал, да?

— Больно надо...— устало огрызнулся мальчишка.

— Точно— не ты?

— Точно.

Ариэль внимательно взгляделся в лицо незнакомца, сказал удивлённо:

— Слышь, пацан, а где-то я тебя видел.

— Во сне,— опять не слишком дружелюбно отозвался юный труженик метлы и лопаты, не отвываясь от дела.

— А ведь точно,— наморщил лоб Ариэль.— Ты ещё потом в снеговика превратился...

Парень прервал работу, лицо его посветлело:

— Эх, классно мы в снежки играли, да?

— Так это был не сон? Или я чего-то не догоняю?

— Не парься, забудь,— отмахнулся мальчишка.— Лучше давай знакомиться. Меня, если что, Лёнькой зовут. А тебя?

— Ариэль. Можно Алька.

— Хочешь ко мне в гости? Я тут совсем рядом живу, вон в том подъезде. У дворника. Айда быстрее, пока его дома нет.

И они пошли.

— Прикольнo здесь у вас,— оглядев обстановку, одобрил Ариэль.— Надо же: ламповый телевизор, холодильник допотопный, диванчик со свалки. Я такое только в старом кино видел.

— А мне как-то по барабану весь этот интерьер,— отмахнулся Лёнька.— Главное— раскладушка есть, значит, есть куда уставший организм на ночь пристроить.

— Слушай, а дворник— он тебе кто?

— Никто. Просто старик.

— А чего ты тогда на него пашешь, снег гребёшь?

— Так велено было. С ним не поспоришь.

— С дворником?— презрительно хмыкнул Ариэль.— Ты послал бы его...

— При чём тут дворник?— Лёнька сделал серьёзное лицо.— Дворник— это так... мелкая сошка. А вот тот, кто над ним... В общем, его— не пошлешь.

— Я бы послал.

— Ага...— мальчик удручённо покачал головой.— Послал бы самого Кошечу Бессмертного? А сам не замучаешься потом обратную дорогу искать?

— Кого-кого?— присвистнул Ариэль.— Ты что, травки обкурился? Или сказок обчитался?

Лёнька вдруг как-то весь ссутулился, сделался печальным.

— Хочешь знать правду?

— Ну.

— Я... Я тот самый снеговик, которого вы слепили...

— У тебя юмор, конечно...— не слишком уверенно хохотнул Ариэль.

— Ничего смешного,— Лёнька вздохнул тяжело и безнадежно.— Меня Кошечей оживил. Сначала велел написать письмо к Деду Морозу. А потом заставил работать на дворника.

— Ага,— развеселился Алька.— Оживил! Кощей! А я вот сейчас возьму и оживлю вон того кренделя. — Нет! — завопил Лёнька.— Не делай этого. Дворник меня убьёт: он не велел мне к нему даже прикасаться.

— А ты и не прикасайся!

Продолжая смеяться, Ариэль подошёл к висящему на стене вверх ногами тряпичному деду-морозу, снял со стены, посадил на диван и взмахнул руками:

— Трахти-бедохти-чух!

И чуть не задохнулся от не понять откуда взявшегося дыма.

— Вижу! — радостно завопил Кот Баюн.— Нашёлся, нашёлся!

— Ну-ка дай я,— потеснила его от блюдечка Баба Яга.— Слава те Господи, нашлась потеря.

— Значит, так,— тоном, не терпящим возражений, завывил Кот.— Я туда, на разборки. А ты, Кузьмовна, собери тут всю свою честную компанию. Ну, Горыныча там, Кикимору... Лешего не забудь. И ждите. Вдруг ваша помощь потребуется? Понятно?

— Понятно,— немного обиженно отозвалась Ягвиги Космовна.

Ей тоже хотелось на разборки. Любопытно же, где старый х... хрыч всё это время ошивался. Однако спорить не стала.

Кот тут же исчез.

А Баба Яга, бурча что-то в адрес обнаглевших хвостатых четвероногих, раскрыла клетку с почтовыми голубями, достала оттуда три штуки, объяснила каждому его конкретную задачу и выпустила за дверь.

Дым рассеялся. И они увидели сидящего на диване в полубормочной позе бледного, еле живого старика в костюме Деда Мороза.

Рядом с ним вдруг откуда-то возник огромный взъерошенный котяра.

— Эй, дедусь,— сказал Кот озабоченно.— Чего это с тобой?

— Худо мне,— простонал старик.— Ой худо. Помираю, однако...

— Я те помру! — возмутился Кот Баюн.— Ты нам вообще-то живой нужен. На фига ты нам мёртвый? А ну, молодёжь, мухой слетали за снегом! Будем дедушку реанимировать.

Несколько пригоршней снега возымели своё действие. Старику явно полегчало. Лицо из бледно-зелёного стало розовым, нос покраснел, губы зашевелились более уверенно:

— Нельзя тут долго находиться. Того и жди — Кощей нагрянет. Или прислужник его, дворник Петрович.

— Ладно,— сказал Кот.— Держитесь все за мой хвост, я нас сейчас отсюда телепортирую. Да посох, дедуня, посох не забудь: без него куда?

— Э,— опечалился Дед Мороз.— Посох мой больше никакой музыки не играет. Его Кощей в руках держал. Испорченная вещь. Порочная. Её в печку надо. Сжечь.

— Это плохо,— опечалился Кот Баюн, задумчиво почесал левой задней ногой за ухом.— Это сильно осложняет задачу. Да, но не делает её невыполнимой. Так что — вперёд, православная рать!

Змея Горыныча голубь дома не застал, потому как дракон отправился на помощь Огненному Псу.

«А что? — подумал девятиглавый.— Почему бы нет? Гуртом, как говорится, и батьку сподручнее бить. А тут столько работы — мама не горюй: пока всю заразу, что Карачун принёс, вытравишь, пока тотальную дезинфекцию проведёшь... Да с любой стороны посмотри: чем я не подмога? Тоже крылатый. И дыма, если надо, могу напустить, и огнём плюнуть. А ещё я вон какой головастый, что тоже немаловажно, если подумать...»

И улетел.

А голубь постучал в окно Змей-Горынычева замка, подождал-подождал да и подался восвояси ни с чем.

Возвращается, видит: Баба Яга с Кикиморой на скорую руку кутью готовят.

Леший в дорогу собирается, портянки у печки сушит.

Кот Баюн бабкиного кота Василия учит искры пускать. Вполне может ведь пригодиться в жизни: мастерство, как известно, лишним не бывает.

Дед Мороз на тахте полулежит, стонет. Худо ему.

А пацаны, Лёнька и Алькой, изучают обстановку: рассматривают картинки на стенах, статуетки на комодке. В сундук тихонько, пока старуха не видит, заглянули.

— Ух ты! Сапоги-скороходы?

— Похоже на то. А это? Неужто скатерть-самобранка?

— Но я тогда не понял, к чему весь кипеж с кутьёй. На фига самим возиться, когда можно скатёрку озадачить?

— Глупые вы ещё,— простонал Дед Мороз.— Для *этого дела* годится только ручная работа.

В горницу заглянула Баба Яга:

— Та-ак, а чего это вы тут в моих вещах копаетесь? Кто разрешил?

Мальчишки захлопнули крышку, отскочили от сундука.

— Мы случайно...

— Больше не будем...

— Тут судьба мира решается, а вы под ногами путаетесь. Смотрите у меня!

И пальцем погрозила для пущей убедительности.

— Идите сюда, отроки,— позвал Дед Мороз.— Не мельтешите там, вправду ведь мешаете. Лучше

посидите возле меня, а то мне тоскливо. Немо- жется мне.

Отроки смиренно подошли, уселись по обе стороны от больного.

— Лёнь, — робко спросил старик, — ты ведь то письмо под диктовку Кощея писал? Да?

— Да.

— А... в самом деле... ты согласился бы ко мне переехать жить?

— Я бы согласился... Только что толку? Я ж вес- ной растаю.

— Не растаешь. Я договорюсь с кем надо. Зна- комства-то у меня—о-го-го! Уважат, поди, ста- рика. Мы с тобой в деревню бы поехали, там у меня домик. Садик, огородик, ручей за оградой... И школа есть. Далековато, правда, в соседнем селе. А? Как? Ты не против, чтоб в деревню?

— Деревня—это класс! — сказал Лёнька.—Я об этом всю жизнь мечтал. А тебе точно разрешат меня при себе оставить?

— Сказал же—договорюсь.

— Дедусь, а я так и не понял: как ты в тряпич- ного-то превратился?

— Я и сам толком не понял, если честно. Получил я твоё письмо, где ты жалуешься на свою жизнь сиротскую. Просишь, чтоб я тебя к себе взял. А я ведь и сам из сирот. Меня старый Дед Мороз вот так же приютил в своё время.

— Дела, — искренне, в голос, удивились мальчишки.

— Ага. Так вот. Получил я твоё, Лёнька, пись- мецо с обратным адресом. И поспешил на по- мощь. Думал, до Нового года времени ещё пре- достаточно, успею, управлюсь. Прибываю я по адресу-то. А там меня вместо тебя встречает какой-то мерзкий тип. Я подумал, что это и есть твой дальний родственник, который тебя всяче- ски тиранит и не знает, как от тебя избавиться. Ну, в письме ж так было написано. Спрашиваю: где мальчик? А он мне: с пацанами в снежки за- игрался. Сейчас-де придёт. Подожди, мол. И чаю предлагаю, чтоб не скучно сидеть. Выпил я того чаю. И как в темноту провалился. А когда оч- нулся, вижу: висю вверх ногами на стене, а сам я—кукла, ватой набитая. Что дальше было—вы и сами знаете.

— Знаем, — вздохнул Лёнька.

— Который час? — крикнула из кухни Баба Яга.

— Четверть десятого.

— Ну, у нас, кажись, всё готово. Должны успеть, если Леший по дороге не заснёт. Ау, рота, подь- ём!

— Да не сплю я...

— Ой, — спохватился Ариэль.— Меня ж дома поте- ряли. Сейчас у них паника начнётся: ах-ах, куда ребёнок пропал, ах-ах, не случилось ли чего...

— Так и быть, — лениво зевнул Кот Баюн.—От- транспортую я тебя к родным пенатам. Дом— это святое.

Глава 25

Посох

Итак, старый жезл Деда Мороза, после того как он побывал в руках у Кощея-Карачуна, для добрых дел уже не годился. Более того—он мог таить в себе большую беду. Потому Баба Яга велела Лешему по- рубить негодную деревяшку и сжечь в печи, а золу собрать в жестяную баночку, завязать в тряпицу, отнести в жертву рубежному богу Чуру-Щуру и по- просить у него новый посох. Для того и кутья вари- лась: угостить Хранителя Равновесия, задобрить, так сказать. А то неловко просто так, с пустыми руками, челом бить, просить о столь важном деле.

Идти вызвался Леший. Ну да, ему сподручнее всего шлындать по лесу в ночное время. Накру- тил Дядь-Лёшка на ноги просохшие портянки, валенки натянул, взял шубу с вешалки, шапку- ушанку. Оделся. Шею шарфом (Баба Яга подарила, чтоб не замёрз) укутал. Дорога—неблизкая, на дворе—не лето.

А чтоб пешком не тащиться (ноги-то всяко- разно не молодые уже, а время—поджигает!), свистнул он громким посвистом, позвал Волка.

Хищник явился в ту же секунду. Красивый та- кой зверюга. Огромный, как медведь, шерсть сере- бром отликает. Взобрался Леший к нему на спину.

И поскакали. Впереди ворон Карл Иванович летит, дорогу показывает.

Долга ли, коротка ли была дорога, а только добрались они до большой заснеженной поляны, освещённой луной. Видят—на поляне какие-то люди в жутких масках да в ужасных нелепых нарядах толпятся, хороводы танцуют.

А снег между тем лежит нетронутый, сверкает в лунном свете. Будто только упал. Ни единого следа на нём не отпечаталось.

— Это, — говорит ворон, — духи предков весе- лятся. Сегодня у них тоже праздник. Нам необ- ходимо среди этого столпотворения отыскать самого батюшку Чура. Да вон он, однако. На нём самая страшная маска и самая несуразная одежда. А ростом он чуть не до вершины сосны.

— Отец родной! — кричит Леший.— Снизойди, отвлекись от веселия, сделай милость. А мы тебе и угощения припасли. Экологически чистый про- дукт. Рис с изюмом, как ты любишь.

— Кто вы такие? — спрашивает Чур-Щур.

А голос у него грозный и сердитый. Будто снеж- ная лавина в горах.

— Беда у нас, — опять кричит Леший.— Посох Деда Мороза запоганен. К нему Кощей прикасался, так уж получилась, ага. Мы его, посох этот, в печке сожгли, а золу тебе принесли. Вот она, в узелочке. Прими, не побрезгуй. Покорно простим выдать нам другой скипетр. Иначе пропадём ведь мы все. — А зачем этому поганцу Кощей посох понадобил- ся? — спросил Чур уже совершенно нормальным

голосом, уменьшился в размерах и сбросил с себя карнавальное одеяние.

Смотрит Леший: стоит перед ним благообразного вида старик, седой, бородатый, глаза строгие, но не злые. И даже улыбка на губах появилась. Леший развёл руками:

— Видать, захотелось поразвлечься, поцарствовать в Явном Мире. Я так думаю. А какое ещё может быть объяснение такому ферту, какой он тут выкинул?

И рассказал Леший старику всё, что сам знал. — Дела, — недовольно покачал головой Чур. — Значит, Чернобог решил нарушить Великое Равновесие? Ну, ему это просто так с рук не сойдёт. Ой, не сойдёт!

И заходил взад-вперёд нервно, под нос себе чего-то бормоча.

— Батюшка Чур, — не выдержал, взмолился Леший. — Время ж идёт. У нас его и так с комариный писк осталось. Того и гляди Куранты вдарят. Не тяни уже кога за это самое... за хобот.

— Ах да, — вспомнил Хранитель Равновесия. — Ну, давай сюда свою золу.

Леший протянул узелок. Старче развязал его, вынул банку-жестянку, высыпал золу на снег, швырнул туда же пригоршню лунного света, хлопнул в ладоши. И тут же в руке у него возник сверкающий посох с серебряной лунницей на вершине, с четырьмя хрустальными колокольчиками и звездой в центре.

— Держи. И удачи тебе. Удачи вам всем!

— Вот спасибо так спасибо! — возликовал Леший. — Ну, я поехал? Прощевай, что ли, благодетель!

— Доброй дороги.

— Ах ты ж, язви его! — спохватился Дядь-Лёшка. — А кутью-то, кутью! Чуть не забыл. На-ка, прими! Не зря ж Баба Яга с Кикиморой трудились в поте лица у печки.

Чур заулыбался:

— Благодарствуйте. Это мы с удовольствием. Сейчас духов обрадую. Они это дело шибко любят!

Леший тоже расплылся в улыбке:

— Ага... Пусть... порадуются...

Вкарабкался на Волка и пропал из виду.

Когда Дядь-Лёшка вернулся в Избушку, до полуночи оставалось минут сорок.

— Ну где тебя леший носит?! — накинута на него Баба Яга.

— Кто носит?

— Ай, да не важно. Ты на часы смотрел?

— Откуда они у меня?

— Тьфу ты. Всё у тебя не слава Богу. Давай сюда посох. Эй, символ Нового года, вставай, Родина в опасности! Снегурка, буди деда.

— Да не сплю я, — заоправдывался Дед Мороз. — Я так... от слабости глаза прикрыл. А ты, внученька, откуда взялась?

— Не спит он, — сердито фыркнула старуха. — Девка битый час возле него круги нарезает, а он только сейчас заметил. Подымайся давай. Посох в зубы — и вперёд!

Дед Мороз с трудом оторвался от дивана, покачиваясь, сделал два шага вперёд, протянул руку за посохом и... упал.

— Ты чего это? — удивилась Баба Яга. — Пьяный, что ли? Когда ж ты успел?

— Мочи негу, — жалобно простонал старик. — До сих пор весь как ватный. Видать, высосал из меня проклятый Кощей всю силушку. Конец это мой. Простите, что не оправдал...

— Да погоди ты со своим концом, — отмахнулась старуха. — Софью Ивановну попросим, она со своими дочками тебя мигом исцелит. Проблема в другом: сейчас-то что делать? На ёлку кто вместо тебя пойдёт? Вася Пупкин? Дети, между прочим, заждались. — Ох, тошнёхонько мне, — запричитала Кикимора. — Где ж мы теперь другого Деда Мороза возьмём? — Я знаю где, — уверенно сказал Кот Баюн.

Глава 26

Новый Дед Мороз

Вот интересно, что это было? Сон? Щенок этот, бедолага. А потом вдруг сам Семаргл, Огненный Крылатый Пёс...

Да, конечно, приснилось. И гадать нечего. Побланилось.

Стук в дверь. Кто там? Это патронажная сестра пришла. Девчушка. Совсем молоденькая. Ей лет двадцать, не больше. В руках — огромные, битком набитые пакеты.

— Здравствуйте, дедушка. Как самочувствие? Как спалось?

— Всё хорошо, внученька, всё хорошо. Спасибо за заботу.

— Сразу докладываю: цветочки на могилку Марьи Дмитриевне — отнесла, снег в оградке — почистила, оградку — поправила.

— Спасибо, родная, дай Бог тебе здоровья!

Девушка несёт свои тяжеленные пакеты на кухню.

— Будем чай пить. С тортиком.

— По какому такому радостному случаю у нас деликатес?

— Так Новый год же!

— Ах ты ж, я и забыл!

Чайник, сварливо чего-то бормоча себе под нос, закипает.

— Я вам новой заварочки принесла. Говорят — вкусная. Тонизирующая. Сейчас мы её испробуем!

— Новый год, значит? Вот я старый пень! А ведь точно, мне ж мой Санька с утра пораньше названивал, поздравлял. Я и забыл, надо же...

(Нет никакого сына Саньки. Погиб в Афгане. Даже внуков не оставил. Но об этом лучше не

думать. Во всяком случае—не сейчас... не сейчас...)

— Приехать не обещал?

— Он бы рад. А только служба больно важная, ответственная. Да. Отпуска никак не дают, хоть ты тресни!

Ну всё, можно садиться за стол. Тортик—красивый. Весь будто в белом пушистом снегу. А по снегу зайчики прыгают, волки бегут, лисицы. И медведь, конечно. А в самой середине—большая, зелёная, нарядная ёлка.

Чай действительно необычайно вкусный. И такое от него тепло по всему телу. Мягкое, радостное. И необыкновенная лёгкость вдруг откуда-то взялась. Даже летать захотелось. Или сплясать «камаринского» с присядкой и присвистыванием! Будто сто лет с плеч долой!

И глухота будто отступила. Какие-то далёкие-далёкие голоса стали слышаться.

Ах да, детские голоса. Кричат:

— Дедушка Мороз! Дедушка Мороз!

Ёлочной хвоей почему-то вдруг запахло. И апельсинами.

Девчужка эта, которая из поликлиники, ласково смотрит на старика:

— Деда, пора. Дети заждались. Одевайся, и идём!

Она достаёт из большущего пакета красную шубу, шапку с белой пушистой оторочкой.

— Потопрапливаться надо, дедунь. Время поджидает. Посох не забудь.

Почему-то даже вопроса не возникло: куда, зачем? Будто так и надо.

— Да, да... Я сейчас... Я быстренько...

И вот он уже в полном облачении—высокий, статный. От былой старческой сутулости—ни следа. В теле столько сил, что тяжеленный мешок за плечами почти не ощущается. Будто и нет его.

А вот и двери. Огромные, двустворчатые, с позолотой. Даже оторопь берёт от такой красоты. — Снегурочка, внучка, ты где?

— Здесь я, дедушка. Шагай вперёд и ничего не бойся!

— А чего мне бояться-то?—смущённо бормочет старик.— Чай, не побьют!

А голоса за дверью всё громче и настойчивей:

— Дедушка Мороз, иди к нам!

— Ну, с Богом, как говорится...

Дверь открывается.

Навстречу—радостные крики, праздничный блеск...

— Здравствуйте, дети! С Новым годом!

Глава 27

Ёлка

Они вошли в огромный зал, такой большой и высокий, что потолок казался звёздным небом.

В самом центре возвышалась огромная, празднично украшенная, живая, растущая прямо из земли ёлка. Шуршала мишура, позвякивали стеклянные игрушки на ветках. У подножия дерева, на белом ватном снегу, подложив ладошки под правую щёчку, спал младенец.

А вокруг резвились дети постарше. Все они были в масках и карнавальных костюмах.

— Дедушка Мороз!—радостно зашумели они.

— Какие славные ребятишки!—вполголоса, обращаясь к Снегурочке, сказал Николай Иванович.

Она ответила так же тихо:

— Это помолодевшие боги. Ровно двенадцать дней в году, от Зимнего Солнцеворота (дня рождения Нового Солнца) до Велесова Водокреса, они позволяют себе быть детьми.

— Надо же,—порадовался старик.—Как славно!

— Да,—согласилась Снегурочка.—А теперь, дедушка, пора тебе ударить оземь своим волшебным посохом.

— Хорошо, внученька, ударяю!

И тут же ёлка вспыхнула разноцветными огнями. Замелькали в воздухе змейки серпантина. Посыпались кружочки конфетти. Дети-боги запрыгали, заверещали от восторга.

Подбежала шустрая девчужка в смешной старушечьей маске:

— Дедушка, дедушка, а я умею фокусы показывать. Гляди!

Она поводила руками, делая вид, будто ткёт. И в воздухе повисло небольшое плотное полотно серого цвета.

— А я ещё не так умею,—запрыгал на одной ножке мальчик в костюме медведя.—Вот посмотрите!

Он нарисовал вокруг полотна ровный прямоугольник, и возникла резная, очень красивая рамка. Холст тут же врос в неё, на миг засветился, мигнул тихим матовым светом и опять погас.

— Ну вот,—удовлетворённо констатировала Снегурочка.—Теперь Солнцу будет на чём писать свои картины.

— Как это?—живо заинтересовался старик.

— Сначала мальчик Коляда будет рисовать зиму: сугробы, белые метели, ледяные узоры на окнах. После Весеннего Равноденствия кисть в руки возьмёт пылкий юноша Ярило. На холсте возникнут звонкие капли, первые проталины, первая трава, цветы, распускающиеся деревья... Ну и так далее. А начиная от дня Летнего Солнцеворота могучий и щедрый Дажьбог будет рисовать жаркое Лето во всей его красоте и прелести: и тёплые водоёмы для купания, и вылетающих из гнёзд птиц, и созревающие плоды... Наконец, в сентябре, после Осеннего Равноденствия, Солнце превратится в серебрябородого старца Хорса. И таким оно будет уже до нового дня рождения младенца Коляды.

Николай Иванович слушал и только головой качал:

— Ну и ну!

Потом улучил момент, спросил:

— А кто эти славные фокусники-детишки, сотворившие Холст?

— Девочка—сама Матушка Макошь. Мальчик— Великий Велес. Но нам нужно ещё добыть краски. И то, чем эти краски можно будет разводить.

Тем временем в зале происходило вот что. Откуда-то налетели крылатые прозрачные человечки, числом шесть. Они принялись ловить цветные огоньки на ёлке и кидать их друг в друга, как дети кидаются снежками. От этого сначала возникла радуга, а потом дуга сомкнулась и превратилась в идеально ровный шестицветный круг.

Круг начал медленно опускаться вниз. И чем ниже он опускался, тем явственнее уменьшался в размерах. Пока не стал размером с чайное блюдце. Краски радужного круга сияли так ярко, что хотелось прищуриться.

Из-под ёлки выползла огромная чёрная змея. Она поднялась на хвосте, покачалась, вдруг нырнула в середину круга и превратилась в круглое пятно цвета сажи. И тут же, на глазах, чёрная масса разделилась на шесть цветов, образовав внутри первой радуги—вторую, более тёмную, не светящуюся. — Что за чудо?— ахнул старик.

— Обыкновенная вещь,— охотно пояснила Снегурочка.— Две палитры: световая и отражающе-поглощающая. Без этого солнечным божествам невозможно нарисовать ни одной картины.

Подбежал ещё один мальчик, в костюме большой хищной птицы. В руках он держал прозрачный шарик с ёлки.

— Вот!— сказал он сурово и кратко.

— Это Перун,— шепнула Снегурочка.— Он принёс воду для разведения красок.

Шарик, хоть и выглядел невесомым, в действительности оказался весьма тяжёлым. В нём что-то не то булькало, не то рокотало.

Сверкнула молния. Шарик вырвался, закружился быстро-быстро. И стал вдруг прозрачным хрустальным стаканчиком, наполовину заполненным чистой водой. Радужное колесо превратилось в круглую коробку с акварельными красками. А вместо волшебного холста в резной рамке на бог весть откуда взявшуюся тумбочку опустил детский альбом для рисования.

— Сейчас я всё это красиво упакую и завяжу капроновой ленточкой,— пообещала Снегурочка.

И только она закончила расправлять пышный полупрозрачный бантик небесно-голубого цвета, как спящий под ёлкой карапуз проснулся и заплакал.

— Кто обидел наше маленькое солнышко?— сладко запела Снегурочка.— Кто обидел такого славного малыша? Сейчас Дедушка Мороз подарит Колядусшке замечательную игрушечку. Дедушка Мороз, ты где?

Старик подошёл, присел на корточки, погладил юного солнечного бога по золотистой головке. Засосюкал:

— Ой, а что у меня есть... Ну-ка погляди сюда!

И протянул малышу Снегурочкой упакованный подарок.

Младенчик перестал плакать, развернул упаковку и засмеялся. Будто бубенчики зазвенели.

— А теперь, дети, встаньте в круг,— велела Снегурочка.— Мы будем водить хоровод вокруг ёлки и петь праздничные песни.

Детишки весело и послушно взялись за руки, запели:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Поднимайся до Небес,
Озаряй ты всё окрест.

— Ну всё, Дедушка Мороз, нам пора,— сказала Снегурочка.— Сейчас сюда прилетит Оксиген— наш Главный Дракон о двенадцати головах. Мы сядем на него верхом, и он отнесёт нас домой. Пора бы уж и отдохнуть...

И действительно, раздался свист крыльев. И прямо с неба спустилась огромная сияющая золотисто-голубая летающая рептилия. Откашлялась, прочищая свои многочисленные горла. Потом всеми двенадцатью головами почти в унисон прохрипела: — Прошу занимать места согласно купленным билетам.

Дети дружно запрыгали, замахали руками: — До свиданья, Дедушка Мороз! До свидания, Снегурочка! Приходите к нам ещё!

— Непременно!— со слезами на глазах кричал им в ответ Николай Иванович.— Непременно!

Оксиген взмахнул крыльями и, несмотря на кажущуюся тяжеловесность, взлетел легко, как бумажный змей, подхваченный ветром.

Глава 28

Заключительный аккорд

Ровно за три минуты до того, как кукушке в часах полагалось высунуться и громко объявить о начале Нового года, в дверь постучали.

— Ну кто там ещё?— недовольно поинтересовалась Баба Яга.— Ладно уж, заходите.

Ввалился запыхавшийся Серпансион Эверестович, весь распалённый, пышущий жаром:

— С наступающим, что ли!

— Горыныч, друг!— обрадовался Дядь-Лёшка.

— Вот тебя нам как раз и не хватало,— сердито буркнула Баба Яга, однако губы её невольно расплылись в улыбке: она была рада, что вся их боевая компания таки собралась.— Леший, плесни там и ему уже. Вон кружка стоит. Ты пацану-то не забыл капнуть на донышко лимонаду? А то он сидит как неродной.

— Не забыл. Чего мне забывать? Склерозу вроде нет пока...

— Да побыстрей шевелись, а то щас полночь вдарит.

— Шевелюсь я...

— Серпантинчик, как же я счастлива тебя видеть, — радостно подскочила Кикимора. — Проходи, не стесняйся. Как успехи на поле боя?

— Нормально. Подробности потом, — пообещал Змей Горыныч. — Мне, считай, на сутки отпуск дали.

— Ну что, за Новый год? — торжественно спросил Дед Мороз, поднимая бокал.

— Так точно, — по-военному откликнулся боевой дракон. — И за Победу!

В ответ ему рванулось радостное троекратное: — Ура! Ура! Ура!

Перепуганная кукушка высунулась из ходиков на две секунды раньше:

— Типа ку-ку...

Почти тут же из большого доисторического приёмника, стоящего на комод, ударили Куранты: «Бом! Бом! Бом!»

Новый год наступил.

Дед Мороз приободрился уже. А после выпитого бокала шампанского раскраснелся, повеселел окончательно:

— Мне бы повидать того... Ну, кто меня выручил. Очень хочется сказать спасибо человеку за то, что взвалил мою нелёгкую ношу на свои плечи, когда я занемог. И ещё... Есть у меня тайная мысль. Мечта, можно сказать: а не захочет ли он поселиться вместе с нами, в смысле — со мной и Лёнкой, в моей хибарке? Вот бы славно было. В компании — оно ж веселей. И опять же, если что (не дай Бог, конечно!) — есть кому меня подменить. А? Лён, ты как на это смотришь?

— Я только «за!» — солидно кашлянул в кулак бывший снеговик. — Прикиньте, какой я богатый буду: сразу два деда! Рокфеллер отдыхает.

— Кузьмовна, а ты как думаешь? Согласится тот старичок... Николай Иванович... ко мне переселиться?

— Я бы на его месте согласилась, — сказала Баба Яга. — Он ведь один-одинёшенек в мире. Ни друзей, ни родственников. Сын в Афганистане погиб. Жена умерла, уже лет пять тому... Даже пёс его любимый, Шарик, и тот... В общем, в том мире его ничто не держит.

— Это хорошо, — обрадовался Дед Мороз. — То есть грустно, конечно. Очень грустно. А хорошо в том смысле, что... Ну, вы меня поняли.

— Да поняли мы, поняли. Ладно, сейчас, типа, эсэмэску Снегурочке пошлю. Чтоб после бала — сразу ко мне.

Баба Яга вынула из висящей у окна клетки голубя, пошептала ему что-то на ухо, на всякий случай погрозила пальцем:

— Смотри у меня, не задерживайся нигде. Как молния чтоб!

И выпустила птичку за дверь.

— Ну всё. Ждём-с.

В Ледяном дворце их встретила бабуля Зима, обрадовалась, усадила за стол, накормила, напоила.

— Пора мне, однако, — грустно вздохнул отдохнувший и насытившийся Николай Иванович. — До дому. Спасибо за праздник. Теперь я умру счастливым, будет что вспомнить в последний час.

— Дедуль, ты помирать-то повремени, — рассмеялась Снегурочка. Хорошо так рассмеялась, по-доброму. — Тебя вообще-то кое-кто в гости зовёт. А про дом свой ты забудь, сторел он. Дотла. Там вроде как проводка замкнула.

— Ах ты... — опечалился старик. — И тортик сторел? Я же его даже не попробовал впопыхах.

— Будет тебе тортик, — пообещала девушка. — Лучше прежнего.

— Это хорошо, — Николай Иванович опять вздохнул тяжело. — А жить-то мне, стало быть, больше негде... Вот тортика ещё поем — и сразу на кладбище!

— Дедуль, ты достал: кладбище, помирать! У тебя, считай, новая жизнь начинается. Говорю же — ждут тебя. С нетерпением.

Они уселись в сани, помахали всем рукой. Два деда и один мальчик. Олени рванулись с места в галоп и вскоре пропали из виду.

Баба Яга, расчувствовавшись, смахнула с левого глаза слезинку:

— Пусть у них всё будет хорошо!

— Дай-то Бог! — счастливо улынулась Кикимора. И тут же спохватилась: — Пора и мне до дому. Маманя с детишками, конечно, спят давно, ёлку-то мы ещё днём отпраздновали. А благоверный мой... Да тоже, поди, дрыхнет. Он с самого утра на рогах, так что, может, уже и уконтрапутился... Ну, пошла я, что ли...

— Иди уже.

— И мне пора, — зевнул Горыныч. — Спать хо-о-оца... А с утра меня опять труба позовёт. На подвиги. Так что общий привет!

Леший сказал:

— Я щас дровишек подброшу да тоже подамся. Отдыхай уже, Кузьмовна. Умаялась, поди?

— Что есть, то есть, — согласилась Ягвиги Космовна. — День выдался... сказать «трудный» — всё равно что ничего не сказать.

Эпилог

Змей-Горыныч честно и доблестно сражался на стороне Добра, помогая Огненному Псу и Соколу находить и обезвреживать так называемые «подарки», которые проклятый Кощей успел-таки забросить на Землю. Когда практически все

последствия нашествия злых сил были устранены, Семаргл торжественно поблагодарил Серпантиона Эверестовича и отпустил домой. Ох и соскучился же девятиглавый по своему замку!

А уж как обрадовались его возвращению друзья—Леший, Баба Яга и Кикимора! И закатили они пир. Всё как положено—с песнями, с плясками...

Кикимора, Цецилия наша Орхидея, по такому случаю собственноручно создала, как всегда, гениальный стих, а затем сама же прочла громко, с выражением:

Желаю здравствовать тебе
В любви, и в жизни, и в вине...
(Ой, простите, я хотела сказать—в борьбе!)
Пусть чарка пенится твоя—
Поешь ты лучше соловья!

Серпантион Эверестович поаплодировал, поблагодарил сердечно. А сам про себя подумал: «Ох,

не стать бы мне отпетым алкоголиком с такими поздравлениями...»

Ленька и Ариэль, несмотря на разделившее их расстояние, остались друзьями. Письма друг другу пишут. Причём не эсэмэски какие-нибудь (туда, где Лёнька с дедом Сашей и дедом Колей обитают, Интернет ещё не дотянулся), а настоящие, бумажные.

«Лёнь, привет! У нас всё хорошо. А у вас? Приезжай в гости. Мама разрешила, чтобы ты у нас пожил все каникулы. До свидания. Твой друг Ариэль».

«Привет, Алька! У нас тоже всё хорошо. А на лето ты лучше сам приезжай к нам. Знаешь, как тут клёво! Засим пока. Лёнька, твой друг».

Кто-то к кому-то непременно приедет. И не важно—кто к кому. Главное, друг, с которым ты оказался вдруг в одной сказке,—он ведь всегда рядом с тобой. А иначе жизнь просто не имеет смысла...

Конец второй сказки